

Алексей Каздым

*Рассказы
геолога.
Археологические
бредни*

Рассказы и эссе. Воспоминания автора
о работе в геологии и археологии

Алексей Аркадьевич Каздым
Рассказы геолога.
Археологические
бредни. Рассказы и эссе.
Воспоминания автора о работе
в геологии и археологии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24309388
ISBN 9785448527722

Аннотация

Автобиографические рассказы, повести и эссе автора. Воспоминания о работе в геологии и археологии, о встречах с разными людьми.

Содержание

Автор почти 15 лет проработал в геологических экспедициях и почти 10 лет в экспедициях с почвоведом и археологами	5
Краткий толковый словарь терминов	9
Р. S. Любые совпадения имен, отчеств и даже прозвищ случайны!	12
Уральские горы	13
Интересное это дело – читать старые полевые дневники и путевые заметки. За многие годы что-то забывается, стирается из памяти, а открыл дневник в потертой обложке, с потрепанными краями страниц, сразу возникают воспоминания... Раздавленный комар, какой-то стебелек, замазанный глиной лист (явная попытка установить цвет). Записи, сделанные карандашом, иногда почти стерлись, почерк торопливый, не всегда разборчивый...	14
К О Л Е Я	21
Дождь	39
Река	77
З И М А	85
Ветер	107
Конец ознакомительного фрагмента.	116

**Рассказы геолога.
Археологические бредни
Рассказы и эссе.
Воспоминания
автора о работе
в геологии и археологии**

**Алексей
Аркадьевич Каздым**

© Алексей Аркадьевич Каздым, 2017

ISBN 978-5-4485-2772-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автор почти 15 лет проработал в геологических экспедициях и почти 10 лет в экспедициях с почвоведомы и археологами

Автор предупреждает, что все события в его рассказах основаны на реальных событиях, и всё что описано – где-то, когда-то и с кем-то произошло.

Автор предупреждает, что все его рассказы частично автобиографичны, но читателю не следует думать, что то, о чем написано, произошло именно с автором. Одни истории автор слышал, свидетелем и участником других событий был сам.

В рассказах описаны реальные события, реальные пейзажи и реальные люди. Естественно, как и в любых литературных произведениях, есть место вымыслу, а некоторые герои приукрашены, кто-то в лучшую, а кто-то, к сожалению, и в худшую сторону.

Автор отнюдь не претендует на высокохудожественность своих рассказов, и понимает, что всегда есть место для критики и критиков, а критики для того и существуют, чтобы критиковать.

Автор не является профессиональным литератором,

нигде и никогда не учился писать художественные произведения. **И вообще учился плохо...**

События, описанные автором, происходили в период с конца 70-х по начало 90-х годов XX века. Но автор слышал рассказы людей, начинавших работу в геологии в начале-середине 50-х годов XX века, и ещё заставших времена Дальстроя, плана, бичей-уголовников, сплавы по бурным неведомым рекам, караваны лошадей, оленей или ишаков, и сложнейшие, тяжелейшие пешие маршруты по тайге, степям и горам.

Досужий читатель, и уж тем более критик, может сказать, что автор «романтизировал» героев, но это не совсем так. «Романтика» дальних пеших маршрутов, лошадей и оленей, тяжелейших условий заброски и работы на далёких, оторванных от всего мира участках, да и многое другое, в общем-то, закончилась в семидесятых годах XX века, и уже в конце семидесятых – начале восьмидесятых началась обычная рутинная работа – отбор проб, рисование карт, оконтуривание месторождений, описание керна и прочее.

В тех краях, где раньше было «зеленое море тайги» или бескрайние и безводные степи, выросли посёлки и даже города, рудники, комбинаты, карьеры и шахты, и куда раньше приходилось добираться неделю, а то и две, теперь можно добраться за час-другой.

На смену собачьим упряжкам, оленям и лошадям пришли УАЗы, ГАЗы, «Уралы» и МАЗы, вездеходы, самолёты и вер-

толёты, и в маршруты уже обычно не ходили, а ездили или летали.

К сожалению, та «геология», которую ещё застал автор, фактически закончилась в 1991 году после развала СССР, немного теплилась до 1993 года, и окончательно развалилась в конце 90-х. На смену **профессиональным** геологам—полевикам, ученым-геологам, геологам—производственникам пришли *некомпетентные управленцы, жадные «менеджеры от геологии», и всё, что можно было продать, было продано за бесценок, разгромлены геологические институты, многочисленные геологические управления и экспедиции на местах; брошены и разрушены геологические базы и посёлки, сдано в металлолом оборудование, буровые станки и техника, выброшены миллионы шлифов, проданы за границу уникальные образцы, а секретная документация, карты и отчеты исчезли «неизвестно куда».*

Впрочем, об этом можно и не говорить, ведь тем, кто работал и работает до сих пор (что удивительно!) в геологии, и так всё это хорошо известно, и главное (к сожалению!) — это продолжается и сейчас.

Нет, будем справедливы, автор ещё застал и сводящие с ума тучи гнуса в тайге, безжалостное солнце и пыльные бури казахских степей, раскалённые пески пустынь Туркмении и Узбекистана, непрекращающиеся дожди Приполярного Урала, снег в июле на Четласском Камне, комариные болота Западной Сибири, мокрые палатки, неподъемные рюкзака-

ки с пробами и образцами, тяжёлые пешие маршруты и многодневное ожидание вертолета.

Поэтому автор, принадлежа к «полевому братству» и проработав почти 25 лет «в поле», считает, что имеет право описывать события *так, как они происходили, или так, как они могли бы произойти. И каждый читатель узнает в героях рассказов своих друзей, знакомых, а может даже и себя самого!*

В добрый путь!

Для несведущего читателя, незнакомого с «романтикой дальних странствий», и наблюдающего мир по «телеящику», из окон квартиры, отеля или с пляжного лежака, автор решил составить небольшой толковый словарь, хотя автор, и не уверен, что эта книга попадёт в руки именно такого читателя.

Краткий толковый словарь терминов

Вертолёт (он же «вертак» и «борт») — некий летающий «транспорт», то, что геолог (см. геолог) всегда ждет неделями.

Геолог – человек не от мира сего, который ходит с рюкзаком (см. рюкзак) и с молотком (см. молоток) по тайге (см. тайга) и чего-то ищет, а чего не видно. «Первый певец геологии» Олег Куваев (см. Куваев О.) писал, что геолог – это «помесь выючного животного с человеком». Такого рода мутанты вымерли к концу 70-х годов XX века.

Гнус – то, что всегда кусает геолога (см. геолог) в поле (см. поле) и маршруте (см. маршрут)

ГРЭ – геологоразведочная экспедиция – место работы геолога (см. геолог)

Девушка – та, кто ждет геолога (см. геолог) из маршрута (см. маршрут) или поля (см. поле). Или уже не ждет...

Дом – место, где геолога (см. геолог) ждет девушка (см. девушка). Или уже не ждет...

Золото – то, что по мнению рядового обывателя, ищет геолог (см. геолог).

Колыма – река, где геологи (см. геолог) ищут золото (см. золото)

Куваев, Олег – писатель и геолог (см. геолог), первый написал про геологов (см. геолог); певец, он же акын геологии, воспел золото (см. золото) Колымы (см. Колыма).

Маршрут – многодневная пешая прогулка геолога (см. геолог) с молотком (см. молоток) и рюкзаком (см. рюкзак) по тайге (см. тайга).

Медведь – животное, постоянно сопровождающее геолога (см. геолог) и часто служащее источником пищи для него. И наоборот...

Молоток – некий инструмент, необходимый для отбивания образцов (см. образец), пальцев и для фотографирования на фоне скал и девушек (см. девушка).

Тайга – густой, темный и непроходимый лес, где ходят геологи (см. геолог) и медведи (см. медведь).

Тушёнка – еда.

Образец – невзрачный кусочек камня, очень ценимый геологом (см. геолог), отбиваемый молотком (см. молоток) и тщательно спрятанный в рюкзак (см. рюкзак). Обычно выбрасывается по приезду домой (см. дом).

Палатка – брезентовый переносной дом (см. дом), где живут геологи (см. геолог). Палатка обычная дырявая, сырая и в ней не ждут писем.

Поле, полевой сезон – время работы геолога (см. геолог). Длится обычно с весны по осень. Но как писал Олег Куваев (см. Куваев О.), поле заканчивается тогда, когда из него возвращаются домой (см. дом), поэтому для некоторых гео-

логов (см. геолог) поле длится почти круглый год или почти всю жизнь.

Погода – то, чего никогда нет.

Рюкзак – некий объемный и тяжелый предмет в виде мешка, привешенный к геологу (см. геолог) сзади. Служит для хранения образцов (см. образец), спирта (см. спирт) и тушёнки (см. тушёнка).

Спальный мешок – то, в чем спит геолог (см. геолог).

Спирт – то, что пьёт геолог (см. геолог).

Шлих, шлиховое опробование – бессмысленно перебирание камешков в ледяной воде ручьев и речек. Необходимо для получения артроза, артрита и радикулита.

Чукча, якут, эвенк – местный житель, абориген.

Энцефалитка – любая одежда, обычно рваная, одеваемая геологом (см. геолог) через голову. По непроверенным слухам защищает от гнуса (см. гнус).

**P. S. Любые совпадения имен,
отчеств и даже прозвищ случайны!**

Уральские горы

**Интересное это дело – читать
старые полевые дневники
и путевые заметки. За многие
годы что-то забывается,
стирается из памяти, а открыл
дневник в потертой обложке,
с потрепанными краями страниц,
сразу возникают воспоминания...**

**Раздавленный комар, какой-
то стебелек, замазанный глиной
лист (явная попытка установить
цвет). Записи, сделанные
карандашом, иногда почти
стерлись, почерк торопливый,
не всегда разборчивый...**

Мое первое знакомство с Уралом и Уральскими горами – это события 25—летней давности. В 1985 году, я, в оче-

редной раз бросив институт, устроился работать в ИГЕМ, и чтобы поскорее свалить из надоевшей Москвы, в середине мая поехал сопровождающим машины в Северный Казахстан, в Кустанайскую область.

Да этого у меня уже был некоторый опыт полевых работ – работал с геофизиками на Балтийском море, сплавлился по рекам и озерам Карелии, отработал полевой сезон в Хакасии, а потом, сопровождая машину на базу, проехал всю Южную Сибирь – от Абакана до Кокчетова. Однако Уральских гор никогда не видел, и мне коренному москвичу, типичному горожанину все было внове. Ну, Башкирские степи и Предуралье не произвели нового сильного впечатления, тем более что в 1983 году я насмотрелся на сопки и степи Хакасии и Сибири... А вот когда машина стала карабкаться вверх и вверх по трассе, вот тогда я был поражен в первый раз. Урал просто очаровал, покрытые лесом горы, и рассекающая, пробитая между ними дорога, отвесные многометровые обрывы, а в долинах кажущиеся игрушечными домики город и поселков. Особенно запомнился перевал около Сима... Грузенный под завязку экспедиционным барахлом, с двумя полными двухсотлитровыми бочками и кучей канистр бензина (про запас!), ГАЗ-52, натужно ревя и перегреваясь, на второй передаче вползал на перевал. Шофер тихо матерился и нервно курил, проклиная горы, перевалы и все экспедиции вместе взятые... Правда, настроение его резко улучшилось, когда перевал был преодолен и вниз можно бы-

ло ехать на холостом ходу.

Второе впечатление – это географическая граница Европы и Азии. Ну как же, можно одной ногой стоять в Европе, а другой в Азии. Так сказать, в раскоряку.

Сама граница правда, не оставила должного впечатления, так оказалась всего-навсего довольно ржавым простреленным щитом, на котором было начертано на одной стороне «Европа», а на другой «Азия». Но фотография осталась, как же на память—то и не сфотографироваться. Долго после этого в Москве хвастался...

Дальше была трасса через хребет, далекие озера, тайга на склонах, Челябинск, Троицк, Кустанай...

Второй раз я уже поехал на Урал в поле, в августе 1986 году, правда, через Северный Казахстан и отработав месяц на Тиманском Кряже, в Коми. Прилетел в Кустанай, оттуда под Лисаковск, а потом с отрядом на машине в Екатеринбург (тогда еще Свердловск). В дневнике написано «...Новоильинка – Рудный – Комсомолец – Троицк – Южноуральск – ночевка не доезжая км 25 от Челябинска... Весь день моросит дождь, холодно... Потом Верхний Уфалей – Сысерть – Свердловск...».

Далее события развивались не по плану, так как бензина было в обрез (начало перестройки!), и, оставив машину в Свердловске под охраной шофера и поварихи, и я со своим начальником поехал на поезде в Североуральск. Яркое впечатление от ночной поездки – огни слева, на склонах Ураль-

ского хребта и полная темнота справа, на Западно-Сибирской низменности. От Североуральска в Волчанск из Волчанска в Карпинск, из Карпинска в поселок Веселовка. Работали в основном на кернохранилище, работа скучная, рутинная – ящик вынул, керн описал, все записал, ящик поставил на место, и так весь день... Моросил дождь, сыро, холодно. Потом поехали в Ивдель, там машиной от ГРП в Полуночное, карьер, работа на кернохранилище, а через недельку с помощью местных геологов машиной обратно уже через Краснотурьинск в Серов, и поездом в Свердловск. Такие поездки, конечно впечатляют, каждый день новые места, но и устаешь от впечатлений, не успеваешь присмотреться, а уже на новое место... И снова дорога, уральская тайга, горы, перевалы... Удалось все-таки по Уральским горам поехать – от Южно-Уральска до Ивдели, по всему хребту почти!

От Свердловска уже на машине через Касли, Кыштым, Аргаяш и через Челябинск поехали в район Бакала, в поселок Рудничный на сидеритовые руды. Лагерь разбили в леске, километрах в трех от поселка...

Впечатление третье – раннее утро, синие горы в дымке и клубящийся туман в долине... Вот это я запомнил навсегда... Слайды, к сожалению, давно потеряны, негативы тоже, а фотографий найти так и не удалось, но хоть в памяти что-то осталось... Погода особо не баловала, чаще всего моросящий дождик, сыро, холодно, и постоянные утренние туманы... Помнится, именно там впервые в жизни воспользовал-

ся гужевым транспортом – после работы какой-то местный мужичок подбросил на телеге по дороге к лагерю...

Потом поехали в Магнитогорск (это уже начало сентября), озеро Банное (по преданию в нём Стенька Разин купал свою мать), Чебачье, Соленое... Помню по ночам, с фонариком, раков ловили... Был уже сентябрь, и леса стали вспыхивать (как это не тривиально звучит) разными красками – желтая береза, красная осина, темно-зеленые ели... Погода великолепная, яркое солнце, настоящее «бабье лето»...

Потом работал в Магадане, в Казахстане, в Средней Азии, на Памире, в Европейской части России, и как-то до Урала добраться не получалось.

Но, начиная с 2001 года, стал сотрудничать с Музеем-заповедником «Аркаим», и, по крайней мере, на Южном Урале, стал бывать каждый год. В том же 2001 году впервые поехал на Урал зимой, в Миасс, на семинар «Минералогия техногенеза-2001», посмотрел на заснеженный Ильмень-Тау.

А в 2003 году забрался и на сам Ильмень-Тау, на смотровую вышку, и это было здорово. Как на ладони – бескрайняя тайга (с вырубками и гарями, однако), далекие поселки...

И еще одно воспоминание, – когда в 1985 году подъезжали к Троицку, не доезжая немного, был террикон, я его хорошо запомнил, он издали был виден, я уж и не помню, что там добывали, и ночевали мы в леске, метрах в 300 от дороги. А в 2003 году с Аркаима ехали через Троицк в Челябинск той же дорогой, и я узнал, увидел тот же террикон,

правда уже заросший зеленой травой... Узнал и лесок в стороне, и ту грунтовку через поле (а может и не она, показалась...). Такое ощущение, что встретил старого, хорошего знакомого, с которым не виделся много лет...

Сопки Южного Урала, уральские и зауральские степи, степи, которые я безумно люблю (10 сезонов отработал в степях и пустынях), чистые степные речушки с кувшинками и кубышками, ветер на сопках, раздолье, тихие березовые колки... А главное простор, и пусть жара, марево над сопками и долинами, желтая, выгоревшая на беспощадном солнце степь, но запах, запах пыли и полыни, курганы, с неизменными сурками-сторожами на вершине, ветер, несущий какие-то странные воспоминая, возникающие из глубин подсознания... Вот-вот покажется всадник с изогнутым луком, или промчится конница, тревожа степь....А в сумерках, когда солнце уже скрылось за сопку и степь освещают красноватые, подсвеченные заходящим солнцем облака, в полумраке видятся молчаливые темные фигуры на лошадях, моментально появляющиеся и так же моментально исчезающие... А ночью черное звездное небо, а в августе еще и метеоритный поток, вспыхивающие в черном небе сторающие метеоры...

Вот такие воспоминания... Пишите, друзья, ведите путевые заметки, отмечайте на картах те города, поселки, реки и горы, на которых были. Через много лет вспомнится что-то хорошее (плохое забывается), посмотрите на потрепан-

ную карту со стершиеся значками, и вновь увидите палатки, горы, тайгу, услышите звон вездесущих комаров, вспомните километры дорог и троп... И как-то плечи снова заболит от тяжести рюкзака и ноги загудят при воспоминании о маршрутах, а старые фотографии (к сожалению не все сохранились, и негативов не осталось), еще больше освежат воспоминания. И пусть пройдет много лет, первые впечатления о посещении Уральских гор, тайги и степей, да и любых гор и степей, рек и озер, городов и поселков, тайги и пустыни останутся в памяти навсегда...

КОЛЕЯ

Он проснулся от дождя... Точнее не проснулся, а выпал из некоего небытия, в котором провел холодную и светлую ночь...

Над серой тундрой стлался туман, не было видно ни реки, ни сопки, ни и так почти всегда низкого и серого неба... Оно редко бывало голубым, только когда дул сильный и холодный северо-восточный ветер, продирающий через засаленную и рваную штормовку и такой же свитер, если не до костей, до уж до мяса точно...

И он понял, что это был не дождь, а просто тяжёлый, холодный и липкий, мокрый туман... Пытаясь согреться, стал махать руками, но силы быстро оставили, и в он изнеможении опустился на влажную траву. Оставалось ждать, пока туман хоть немного рассеется, разводить костер в такую сырость тяжело, да и бессмысленно, готовить всё равно нечего, а спичек осталось всего несколько штук, была ещё правда зажигалка, но она, как это всегда бывает, работала через раз...

Вообщем-то удивительно, что он еще жив, уже прошло более двух недель... И две недели он почти ничего не ел...

Что ж, организм человека может выдержать много, человек может голодать 40 дней, а то и больше, но это если не тратить энергию... А он энергию тратил – путь по тундре, по кочкам и речкам, по болотам – не самый удачный способ

экономить калории.

И странно, с одной стороны – были тупые мысли и некая даже легкость духа, мол, всё равно, что со мной будет. А с другой стороны – некая «жажда жизни», почти по Джеку Лондону, когда сопротивляешься из последних сил. Ладно, мистера Джека оставим в покое, он не был в такой ситуации, все его рассказы написаны по словам очевидцев. А вот кто был...

Он вспомнил случай, рассказанный кем-то из стариков...

В 1958 году на реке Оленёк потерялся рабочий одной из партий. Бригаду рабочих крупной геологоразведочной партии, где был и этот бедолага, послали на заготовку леса. Вечером, нагрузив дровами тракторные сани, бригадир велел сидеть ему до утра и охранять оставленный лес, правда, не сказал от кого. Но так тогда полагалась, сторож должен был быть. Оставили ему ружье с двумя патронами, чай, банку тушенки, хлеб. Он поел, попил чаю, покурил, но через несколько часов заскучал, и решил вернуться на базу. Но дороги он не знал, и пошел по колее от трактора. Только через несколько часов он сообразил, что колея-то эта не та, колея-то старая... Искали его месяц, был составлен акт о гибели, всем начальниками объявили выговор. А он не плутал на одном месте, а упрямо шел на север, ушел далеко, где его искать-то и не предполагали, искали его немного южнее, а он и сам удивлялся, что лес кончил-

ся, а началась тундра. Ему попадались следы людей – брошенные стоянки, но ничего съестного там не было, одни пустые консервные банки, один раз нашел пачку соли, но солить было нечего, другой раз убил куропатку, а чуть позже и поморника (а поморник – это кости, сухожилия и весьма малое количество жесткого как резина, мяса), больше патронов не было. А потом из последних сил выкопал нору в песчаном откосе и лег умирать... Но удивительно, как ему повезло, по речке, абсолютно случайно, проходил геолог с рабочим и они наткнулись, фактически наступили на его ружье, а потом нашли и забившийся в нору скелет в лохмотьях. Есть он первые дни не мог, его кормили с ложечки разведенным сгущенным молоком, но потом он выл, плакал и постоянно требовал еды...

Вот так я скоро, вырою нору и лягу умирать... Короткое северное лето шло к своей второй половине, и если пойдет снег – это всё, хана, амба, вообще полный кирдык... Надо вставать, надо идти, но постоянно мокрые ноги, стертые до крови... Хоть сапоги не разваливаются, потому что резиновые, но и им недолго осталось...

А как он вообще потерялся... Глупость... Мальчишество...

Ну, пошел, точнее, убежал как мальчишка, без спросу в маршрут, нарушив все мыслимые и немыслимые правила и инструкции по технике безопасности, рюкзак и молоток

утопил успешно уже на второй день, когда еще что-то сообщал. И «вышел за карту», как говорят. И знал, понимал, что ищут его, надо было бы на месте сидеть, а он самонадеянно решил сам найти дорогу... А сейчас и искать его бесполезно, вертолет в таком тумане не взлетит, да и где его разглядеть, на тысячах километров речных протоков, озер, тундры и туманных скалистых сопок, одного, грязного, обросшего, худого, еле передвигающего ноги геолога. Да и хватились, что он ушел, только к вечеру, думали, что спит... И ведь сам во всем виноват, поругался с начальником отряда, обложил радиста, вообще всем досталось... И ушел, якобы спать, в свою, в отдалении стоящую палатку...

А потом вышел потихоньку и пошел, куда хотел идти, туда, где видел это обнажение, о котором рассказывал, и был поднят на смех всем отрядом... «...Студент – твое дело – образцы носить и заворачивать, а уж геологией мы сами займемся...». Какой он студент – уже второй год как техник – геолог. Понятно, что рядом с этими зубрами, прошедшими пешком половину Сибири, Чукотку и Камчатку, всю тундру и горы Полярного Урала, особенно рядом с начальником отряда, весьма уважаемым человеком, лучшим геологом Управления, доктором наук, ростом под два метра, и объемов невероятных, с бородой как у Карла Маркса, он казался шупленьким подростком... Да и познания его в области наук геологических оставляли желать лучшего, и иногда, точнее почти каждый вечер, ему устраивали такие безжалост-

ные экзамены, такой мозговой штурм, что голова шла кругом... И он понимал, что его знаний настолько мало, что вообще чудо, что сюда попал, в одну из самых лучших и интересных партий Управления.

«Ну-ка, покажи на карте, где обнажение видел...» – начальник расстелил топоснову на столе. При всеобщем молчании он долго ползал пальцем по карте, и, в конце концов, вытянул из себя фразу, что не помнит, но если ему дать вездеход, он найдет по памяти... «...Карту надо уметь читать, студент, а вездеход не наездится, если каждый шкет будет из себя Обручева строить...», процедил сквозь чубук трубки и облако пахучего табачного дыма радист, бывший, по слухам, нач. связи на АПЛ, зимовавший в Антарктиде, всегда гладко выбритый и пахнувший одеколоном пижон, в наглаженной рубашке и с массивной золотой визиткой на пальце.

Вообщем разговоров и «учёбы» хватило на полвечера...

Он только потом понял, что был это не снобизм, не желание корифеев выделиться, а его так учили, натаскивали, как гончую собаку... «...Геолога, студент, как и волка – ноги кормят...», повторял каждое утро радист. «...Ноги ногами, а про и молоток не забывай...», острил зам. начальника партии, по внешнему виду почти полная противоположность начальнику, длинный и тощий, похожий на лысого и плохо выбритого Дуремара. Остальные геологи участия в «разборках полета» обычно не принимали, с усмешкой глядя, как он барахтался в терминах или пытался что-то вспомнить из стра-

тиграфии этого района... Они сами прошли эту школу, и, несмотря на молодой возраст, были весьма уважаемыми специалистами... Лишь водитель вездехода Лёша, по прозвищу «Горелый», лохматый, молчаливый, со шрамами от ожогов на лице, с ног до головы перемазанный соляркой и смазкой, хмыкал, услышав какой-нибудь заковыристый геологический термин.

Прошёл это неказистый с виду мужичок «огонь, воду и медные трубы»... Водил танк в Афганистане, горел, попал в плен, умудрился бежать в ту же ночь... угнав БТР, был награждён и комиссован подчистую, отсидел (за то, что раскидал «экипаж машины боевой» – милицейского «козла», «попутно» сломав одному из «членов экипажа» челюсть – вступился, когда «бравые» сотрудники МВД хотели затащить в «козла» какую-то девицу), работал механиком сухогруза на Енисее от Красноярска до Дудинки, гонял большегрузы по всей стране, тянул трассу газопровода, а потом, как здесь говорят, «ушел в тундру», пристроился в Управление, и уже пять лет был бессменным вездеходчиком отряда. Работать мог сутками, механик был от Бога, технику знал до винтика, мог из любой кучи металлолома воссоздать всё что угодно – от велосипеда до вертолёта. «В голове у него компас» – уважительно говорили геологи, он умудрялся держать чёткое направление без карты, несмотря на все протоки Реки и чудачества тундры. Мечтал было поехать в Антарктиду, но как радист за него не хлопотал – врачи не пустили... Да и Пер-

вый отдел конечно... В конце концов обосновался в Поселке, и кажется, не жалеет ни о чём – зимой промышлял немного охотой или возился с утра до вечера с техникой в ангаре на окраине, летом возил партию по участкам да ловил рыбу.

Вот это люди, а я что – школа, институт, да практика на Урале... Он споткнулся и мысли исчезли... Он увидел колею... Колею, с примятой тундровой травой, колею явно свежую, и кажется пахнущую до сих пор соляжкой... Но при-смотревшись он понял, его опыта следопыта явно не хватает для определения, куда эта колея ещё приведёт... Вроде прошёл вездеход или трактор, а вот потом более свежий след колес – скорее всего ГАЗ-66... А куда идет, и куда выведет, и выйдет ли на «тракт», так называли здесь колею, по кото-рой раз сутки или реже мог проехать вездеход на буровую или стойбище... А вот ГАЗ – это уже признак посёлка или буровой... Ура, спасен, надо идти...

Он с трудом встал на колени, попил воды из лужи, живот резко свело голодной болью... Несколько ягод морошки за-глушили боль... Это фикция, и он знал, что через несколько часов, можно опять впасть в полузабытье...

И как он вообще умудрился заблудиться? Стал обходить протоку, чтобы не идти почти по пояс в холодной воде, но брода не нашел, полез наобум, течением сбило с ног, пока выбирался, пока сушился, прошло время, решил идти об-ратно и понял, что не помнит куда идти, не узнает местно-сти в спустившемся тумане... Горный компас, висевший по-

пижонски, на шнурке на шее, при его падении в воду так шваркнуло о камни, что стекло разбило и стрелку унесло. Он его выбросил, несколько дней назад, как бесполезную и тяжелую для него игрушку...

А на следующий день, вновь пытаясь переправиться, был сбит с ног, течение потащило его, рюкзак пришлось бросить, молоток тоже, и когда он вылез, мокрый и дрожащий, на каменистый берег, то понял, что заблудился окончательно.

Оставалось одно – прикинуть направление и идти, лучше на север, в сторону Океана, там проще найти стойбище, но Река разливалась на сотни протоков и озерков, пройти через которые было невозможно, приходилось взбираться на сопки и корректировать путь. Это отнимало последние силы... И он шёл уже просто так, так как ещё мог идти...

Мысли опять закрутились о еде, а что можно найти из съедобного, здесь, сейчас, в тундре? Без ружья, без снасти... Немного ягод, все птенцы уже встали на крыло, и гнезда брошены, один раз он подбил камнем молодого куличка, и съел фактически живьем, но мяса, мяса, там было слишком мало... И это практически всё, за две недели-то. Ягоды не в счёт, они только растравляли аппетит, а рыбу ему поймать так и не удалось, да и чем ловить, ни блесны, ни крючка, ни лески, руками-то не поймаешь... Хотя рыбы в тех местах полно, голодный хариус иногда брал просто на пустой крючок... Потратив полдня на попытку поймать хоть кого-то, вымокнув с головы до ног, он впал в тихое отчаяние...

Им было проще, у них хоть собаки были, вспоминал он про первооткрывателей Севера и Антарктиды, ружья... А что у него, складной нож и пять спичек... Пять спичек...

А вот у Фёдора Хилкова и того не было... Да был такой случай, давно, мало кто о нем знает, прочитал как-то в книге «Год на Севере» этнографа XIX века С. Максимова.

В 1860-х годах архангельские поморы («Федор Хилков со товарищи») в количестве шести человек вышли на промысел «зверя морского» во льды близ островов Груманта (Шпицбергена). Сойдя на берег небольшого островка, и переночевав в крохотной избушке, поутру обнаружили, что их коч унесло в море льдами. Ни продуктов, ни оружия у них не почти не было (котелок, нож, топор, ружье, немного пороха и пуль), одежда, что на себе. И прожили они 8 лет...

Остров кишел живностью – олени, лисы, песцы, полярные зайцы, куропатки, заходили белые медведи. В плавнике, прибитым к берегу, были и обломки судов, из которых надергали скоб и гвоздей, перековали их и ружье при помощи топора на наконечники копий. Охотились, мяса ели вдоволь, летом собирали в тундре ягоду, сшили из шкур обувь и одежду. От цинги спасались тем, что пили свежую кровь оленей (лишь один умер от цинги, так и не смог преодолеть отвращение). С острова их спас скандинавский корабль, взяв в качестве оплаты за проезд (ни один русский, кстати, так бы не поступил!!!) «мягкой рухлядью» – шкурами. Оставшие-

ся в живых пять «робинзонов» были доставлены в Архангельск, где их давно уже похоронили. Сойдя на берег, они поразили встречающих шубами из песка и черно-бурых лис стоимостью (по тем временам) в несколько тысяч рублей.

У них копыта были... И кой чёрт занес его в эту тундру... Ведь предлагали место в Управлении Центральных Районов, средняя полоса, тепло, от дома недалеко... Романтика, что ли выиграла... Да и не только романтика, ещё и заработок приличный, и опыт работы... Да и похвалится можно, вот мол, в тундре работал, на самом Полярном Урале. И некий спортивный азарт первооткрывателя... Первооткрыватель... Допервооткрывался... Он почему-то вспомнил «гонку» за Южный полюс, соревнование ученого и романтика Роберта Скотта и жесткого, целеустремленного спортсмена Руала Амундсена.

Руал Амундсен, будучи профессионально подготовленным спортсменом, лыжником и каюром, неоднократно ходивший во льды Антарктики, совершил уникальный маршбросок, его цель была одна – Южный полюс. Шли на собаках, ели собак, кормили собак собакам. Специальное судно, испытанное во льдах Арктики, и во время плавания к берегам Антарктиды тщательно подгоняли снаряжение, особенно обувь и лыжи.

Роберт Скотт, романтик и ученый, его цель не только полюс, но и научные исследования. Были допущены серьезные ошибки при подготовке, недостаток финансирования, странная надежда на мотосани и пони (которые не оправдали себя), и даже неумение большинства членов экспедиции ходить на лыжах! (В экспедиции Скотта был специальный инструктор по лыжам!). До полюса и обратно шесть человек (вместо пяти, хотя продукты были рассчитаны на пятерых) шли пешком, таща на себе сани, погибнув на обратном пути в нескольких километрах от склада. Гибель связана и с психологическим стрессом, когда экспедиция обнаружила, что Амундсен опередил их на целый месяц. Большие повозки Северной партии экспедиции Р. Скотта под командованием лейтенанта В. Кемпбелла. Шесть человек были вынуждены зимовать и почти полгода жили в выкопанной ими ледяной пещере, питаясь в основном полусырой тюленьиной и пингвинятиной, да и то не досыта. Удивительно, что выжили все, весной в продранной, пропитанной ворванью одежде дошли до базы (правда, самый сильный из них, унтер-офицер Джон Эббот, через несколько месяцев после возвращения в Англию сошел с ума).

Ладно, пока он ещё жив, организм, хотя и ослаблен, но ещё борется... Но сил для борьбы осталось немного... Хорошо хоть не пустыня и не открытое море, пресной воды – полно... «...Вас убило не море, вас убил страх...», вспомнил

он слова Алена Бомбара. А я и не боюсь...

Ален Бомбар, врач, в 1953 году попытался доказать, что человек способен долгое время оставаться в море без пищи и воды, он был убежден, что в море убивает не голод и жажда, а в первую очередь страх. А. Бомбар был готов и физически и психологически, но, тем не менее, находился на краю гибели. За время плавания А. Бомбар похудел на 25 килограммов, от постоянного пребывания во влажной среде, от соленой воды и непривычной пищи, на теле появились гнойники, причинявшие сильную боль, малейшие царапины начинали гноиться и долго не заживали. Под ногтями рук и ног также образовались гнойнички, которые он сам вскрывал без анестезии, кожа на ногах стала сходить клочьями, выпали ногти. 65 дней провел А. Бомбар в Атлантическом океане, совершив путь от Танжера (Марокко) с заходом в порт Лас-Пальмас (Канары) до о. Барбадос на крохотной лодке «Еретик», сумел преодолеть страх, голод и жажду, ел пойманную им рыбу, пил добытый из неё сок, смешанный с морской водой и доказал возможность выживания в открытом море без воды, пищи и специальных рыболовных снастей. И умер в Париже в почтенном возрасте 79 лет!

Несколько дней провел в Ливийской Сахаре, после крушения самолета, Антуан де Сент-Экзюпери со своим напарником... Без воды, лишь пол-литра кофе и пол-литра вина

из разбитых термосов, кисть винограда и апельсин, немного росы с лопасти самолета... И почти 200 км пешком по Сахаре, где человек без воды не выдерживает более 20 часов... От смерти их спас проходивший с караваном ливийский бедуин.

И всё равно им было проще – и подготовка была, и опыт жизненный, и пешком особо не ходили, на собаках разъезжали, а здесь плетешься как последний... Последний... Последний шанс у него дойти по этой колее хоть куда-нибудь... И какая у меня была цель, и что поперся не зная броду?

Вот у Г. Г. Ушакова, воспитанника самого К. А. Арсеньева, была цель, сначала остров Врангеля осваивал, потом Северную Землю... И Тур Хейердал всем доказал свою теорию возможных миграций. А он, что он пытался доказать, что самый умный, что тоже знает... Вот теперь и ползи, и подымай с голоду...

Четыре человека (Г. Ушаков, Н. Урванцев, В. Ходов и С. Журавлев) несколько лет прожили на неизвестном тогда еще острове Северная Земля, составили подробную карту, фактически подарив остров Советской России. Но у них были боеприпасы, ездовые собаки, теплый дом, большой запас продуктов. С. Журавлев, помор, профессиональный охотник, проводивший в Заполярье в общей сложности почти 15 лет, был в своей стихии, да и Г. Ушаков до этого провел

несколько лет на острове Врангеля.

Тур Хейердал и еще пять человек в 1947 году совершили путь через Тихий океан от Кальяо (Перу) до архипелага Туамоту на бальсовом плоту, и, судя по впечатлениям и описаниям, для них это было что-то вроде загородной прогулки, все остались живы и здоровы, а плот теперь в музее Т. Хейердала в Осло. Дальнейшие путешествия Тура Хейердала были не столь удачны – папирусная лодка Ра-1 затонула посреди Атлантического океана, но Ра-2 удалось его пересечь, жертв не было.

В 1954 году, возрасте 62 лет (!!!) Уильям Уиллис в одиночку (!) повторил путь Тура Хейердала – от гористых берегов Перу к островам Полинезии на бальсовом плоту «Семь сестричек», и через три с половиной месяца, успешно преодолев почти семь тысяч миль, достиг островов Самоа. А 1963 году, в возрасте 70 лет (!!!), У. Уиллис на собственноручно собранном металлическом плоту, не без юмора и с вызовом названном «Возраст не помеха», предпринимает путешествие от берегов Перу к Австралии длиной почти в 11 тысяч миль. Ему не везло – он остался почти без пресной воды и по методу Алена Бомбар пил сок пойманной рыбы, временно ослеп, от физических нагрузок образовалась грыжа, но смог выдержать все испытания, пройдя по просторам величайшего Тихого океана.

Он чуть не упал, споткнувшись о... бутылку с подсолнечным маслом... Люди, значит где-то люди... И масло, и что сейчас важнее – искать людей или поесть, заглушить сосущий, выворачивающий голод. Дрожащими руками отвинтил пробку, понюхал... Да, это масло явно несколько лет лежало на складе, много раз промерзло и явно прогоркло... Что с ним делать, пить его как воду? Он сделал глоток – горьковато, противно, но питательно... Но какой-то червячок в голове завертелся, выпьешь, совсем пропадешь, желудок не выдержит... Надо что-то сделать, типа салата или супа, тогда будет лучше... А из чего сделать и где сварить... Он огляделся, и понял, что здесь была буровая, причём недавно, кругом брошенные железки, ветошь, разлитая по тундре солярка, консервные банки, ржавая бочка из-под горючего, обломки керновых ящиков, куча выброшенного керна... Вот куда колея его привела... Что ж отдохнем, покурим и подумаем. Он свалился на мокрую траву...

Надо бы костер, вскипячу воду в консервной банке, погреюсь, авось что-то придумается... Он с трудом поднялся, прижимая к себе бутылку с маслом как величайшую ценность, набрал обломков досок, промасленной ветоши, выбрал консервную банку побольше... Расщепил несколько досок ножом, сложил костерок, полез во внутренний карман рваной штормовки за спичками... Коробок тщательно был завернут в промасленный пергамент и замотан в несколько слоев

полиэтиленового пакета... Вроде спички целы и не промок-ли... Дрожащими руками чиркнул, влажная спичка зашипела и потухла... Осталось еще 4... Подул на спичку, потёр куском более менее сухой ветоши, что ж, попробуем ещё раз. Маленькое пламя затрепетало на ветерке, он быстро сунул спичку под сложенные доски, ветошь загорелась коптящим пламенем, занялись доски... Что ж, костёр готов... А вот что будем готовить?

Он налил из лужи воды, поставил банку у огня... Надо что-то сварить... Огляделся, трава, карликовая ива, карликовая береза, ягель... О, ягель! Как он мог забыть! Это же лишайник, почти гриб, олени только его и едят! А чем он хуже оленя! Уже ничем... Набрал несколько пучков ягеля, нащипал молоденьких листочков полярной ивы и березки. Походил, с трудом передвигая ноги, вокруг бывшей буровой... Ничего нет, один мусор несъедобный, все вытоптали и слопали «братья-буровики». А уж после них мыши и лисы всё подъели подчистую... Полпригорошни морошки, и то сойдет...

Вода закипела, он нашинковал ножом на доске всю эту оленью зелень, бросил в импровизированный котелок, помешал щепкой, густота была как у каши, плеснул масла, еще раз размешал, еще плеснул, бросил ягод... Они придали хоть какой-то оттенок тошнотворно выглядывшей зеленоватой пенистой массе. Подцепил щепкой, облизнул, гадость, но есть хочется, да и горячее... Отвыкший от еды желудок

опять отозвался тягучей болью, но потом успокоился, приняв некоторое количество горьковатого, пресного, припахивающего соляжкой, варева...

С банкой «супа из топора» он справился быстро, появилось некое ощущение сытости и комфорта, и даже соображать стал лучше... Поставил на костёр ещё одну банку, заварил листочки брусники... Вот и чай... Сейчас бы закурить, но размокшие сигареты он давно выбросил. С трудом поднялся, надо всё-таки искать дорогу... От буровой отходило много следов, и надо было выбрать одну колею, которая могла привести его к людям. Вот большая колея явно от трактора с волокушей, надо бы идти по ней... Чтобы не забыть направление, выложил стрелку из досок, повалился у костра и впал тяжелый сон. В сон между сном и забытьём...

...Он шёл потом еще три дня, выбился из сил окончательно, его случайно обнаружил проезжавший тракторист, причем буквально в паре километрах от буровой. Он лежал почти без сознания на колее, которую правильно выбрал, вытянул счастливый билет, интуиция не подвела, и сжимал в руках почти пустую бутылку подсолнечного масла. Это масло, вообще-то, и спасло ему жизнь...

Дальнейшая судьба нашего героя проста... Месяц провёл в больнице, но из Управления его не выгнали, объявив строгий выговор с занесением, и что самое странное, начальник оставил его в отряде... Только много позже, он узнал, что начальник надавил всем своим авторитетом, фактически взял

часть его вины на себя, и упросил начальство оставить его и в Управлении, и в отряде...

Только вот подсолнечное масло он несколько лет не мог есть...

Дождь

Дождь моросил вторую неделю, перемежаясь с густым туманом – «гороховым супом», как его называли старожилы.

Облака на сопках, мокрая тайга на склонах, все было серым, даже казалось, что воздух так пропитан влагой, что его можно было выжимать. Все обычные ориентиры – и отдельные скалы – «жандармы», и вершины сопки, с кое-где еще лежащими снежниками, и отдельные корявые, торчащие на склонах лиственницы – исчезли. Даже звонкий, обычный шум ручьев маскировался тяжёлым, мокрым туманом, и привычных шумовых ориентиров также не было слышно.

В избушке, несмотря на жарко натопленную печурку, было сыро, от пола тянуло влажным холодом, с потолка, в подставленные консервные банки, звонко брякала капель...

Как писал Брет-Гарт, если вы ходите довести людей да взаимного убийства, запрягите их в хижине размером 20 на 30 фунтов...

До ссор ещё не доходило, но из-за систематического безделья настроение портилось с каждым часом. Да и вся работа летела в тартарары, прошла уже почти половина сезона, а не было опробовано ещё и половины территории, и сроки поджимали...

Серьезная проблема была и с продуктами... То ли из-за бестолковости снабженцев, то ли из-за банального раз-

гильдияства, вместо тушенки умудрились выдать ящики ... с гвоздями, но почему-то упакованных в ящики именно из-под тушенки, половина гречки оказалось просто шелухой, перемешанной с мышинным помётом, а горох отказывался развариваться даже после замачивания в воде в течение нескольких дней. Несмотря на гомерический хохот и уникальные гастрономические предложения различных блюд из гвоздей и мышинового помёта, чтобы потом угостить начснаба Базы, это могло стоить, если и не жизни, то неприятностей.

Ладно, придём на Базу, разберемся... По рации, конечно передали о проблемах, радист на Базе долго хихикал, но что сейчас там могли сделать? Вертолет не прилетит, туман, а уж гидроплан – тем более, кроме того, до широкой протоки, где он мог приводниться – 20 километров по валунам и каменистому руслу ручью. Да и батареи рации быстро садились, такое ощущение, что тоже подсунули разряженные. В конце концов, виноват именно он, надо было все проверить лично, но как всегда – начало сезона, «быстрее-быстрее, план сорвём», обычные проблемы с заброской, не хватало «бортов», а их участок был самый дальний.

Приходилось специально заниматься продовольствием, ловить рыбу, но это во-первых, занимало много времени, отвлекая от работы, а во-вторых, как всегда бывает – когда кончаются продукты – исчезает всё живое, рыба в такой мороси почти не ловилась, не найдешь даже грибов, моментально

появляющихся и почти тут же сгнивающих на этом несносном дожде... Старая «тулка» годилась лишь на отпугивание медведей, да и патронов было в обрез, а с «ГТ», полагающемуся ему как начальнику отряда, не поохотишься...

Вообщем не весело... Невыполнение сроков грозило большими неприятностями, причем всем, а его уж точно погонят с начальников, не успев назначить. Многие были против на Базе, молод ещё, не оправдает...

Два геолога, забравшись с ногами на топчан, мрачно куря, наблюдали, как он смотрел карту... Настроение было тяжелое, любое слово могло привести к конфликту... Обстановку надо было разряжать...

– Вот что ребята, – он окинул взглядом хмурые, бородастые, знакомые до отвращения физиономии. – Давайте начнем работать, хотя и дождь, но надо...

– Как это «надо»? Ни черта не видать, выйдем, тут же заблудимся, – воскликнул Володя, его одноклассник и друг.

– А компас тебе на что, или после практики в Крыму разучился пользоваться?

– Да, в Крыму сейчас хорошо, – мечтательно просипел техник Лёня, – там тепло, девушки, вино... Вот я помню, дело было на реке Яне, что в Якутии, точнее не самой Яне, а на её притоке... И была там студентка, Яной звали, и знает...

– Тебе бы только до девочек и вина дорваться, – огрызнулся Володя.

– Тихо-тихо, давайте решать, что будем делать? Предлагаю – надо нам с Володькой разделиться и идти параллельно, опробование проводить не через 100 метров, а через 200, а потом, когда погода наладится, можно быстро пробежаться и добрать.

– Ага, «наладится», а если не наладится? Такое «болото» может ещё на месяц, до снега висеть, – раздражённо почти прокричал Володя.

– Вовчик, всё же что-то будет, а не будет вообще опробования, не будет плана, не будет плана, будет нагоняй из Министерства, не будет премии всей Базе, и Главный нас тут же выкинет с позором и никуда больше возьмут! Только если шурфы копать, и то вряд ли! А если аномалии есть – сразу увидим!

– Ладно, это-то решаемо, – уныло сказал Володя, – а вот...

– А вот-то что мы жрать-то будем, – подхватил, просипев Леня...

Он был по возрасту самый старший, в этом районе работал уже давно (хотя где он только не работал – от Чукотки до Кольского), да и на Базу попал гораздо раньше. Образования не имел, был «вечным техником», как он сам говорил – «у меня незаконченное низшее геологическое» – был выгнан в своё время за прогулы, несдачу сессий и систематические нарушения, кажется из всех геологических вузов страны, но азы геологии, да и отдельные «проблемы современной геологической науки» знал, пожалуй, лучше ба-

зовских «корифеев», и даже Главного Геолога, старой, ещё дальстроевской закалки, иногда прямо-таки ставил в тупик своими вопросами. Но звёзд с неба не хватало, по жизни был «хроническим пофигистом», неуклюжим бородатым бродягой-романтиком, охоту особо не жаловал, любил ловить рыбу (если клевала), попить винца (но в меру), посидеть у костерка, бесконечно распивая чай, брэнча на гитаре, покуривая и рассказывая бесконечные геологические байки, которые знал в великом множестве.

«...Тебе бы, Лёня, вуз закончить, хоть заочный, ты же геолог от Бога, ходячая диссертация!», говорили ему. «...Бога нет, да и не могу я книжки умные читать, скучно... А диссертация моя – она на маршрутах от острова Большой Ляховский и Новой Земли до залива Креста разбросана – не соберёшь, да и куда мне учиться, голова уже лысеет, скоро на пенсию!».

Таких классических «бродяг от геологии» уже почти не осталось, Лёня был «вымирающим» представителем не бичей-сезонников, успешно пропивающих заработанное, не любителей-туристов, собирающих впечатления и зарабатывающих себе за месяц-другой поля на очередной турпоход на байдарках, а именно бродяг-романтиков от геологии времен шестидесятых – семидесятых.

Свой сиплый голос он «приобрел» лет десять назад, встретив давнего друга-дальнобойщика и глотнув зимой в столовой на Трассе, промороженной загустевшей водки, запив

её почти кипящим чаем. Полууголовная кличка «Лёня Сиплый» уже настолько приклеилась к нему, что даже Главный Геолог часто иначе и не называл.

Сколько ему было лет, знали, пожалуй, только в отделе кадров, так как свой день рождения он устраивал при каждом удобном случае, особенно когда на Базе появлялись молоденькие студентки-практикантки, которые все были от него без ума. Ни семьи, ни дома у него не было, всех вещей – потрепанный, выдавший виды рюкзак, две пары сапог да гитара, говорил, есть сестра где-то в Твери, с мужем живет и детьми, он даже деньги ей иногда отсылал, но всегда жил одиночкой, хотя друзей-приятелей у него было полно.

Мужик он был добрейший души, отзывчивый, мастер на все руки, но ...невероятно ленивый, заставить его что-либо сделать было крайне трудно, и только угроза, что «уйдем без тебя и будешь сидеть весь сезон на Базе» как-то могла повлиять... Если послать его на кернохранилище – обязательно завернет в другу-приятелю и проболтает полдня за чаем, или пойдет к рыбакам поговорить об улове, и начнет делиться бесконечными воспоминаниями как, где и какую рыбу он ловил.

Но, несмотря на все чудачества, на любовь к «пойду, поброжу, мир погляжу», что выражалось в его исчезновении на неделю, а то и две, и когда уже собирались объявлять поиск, как вдруг на Реке, издали, слышался хорошо узнаваемый чудовищный рёв двух «Буранов», собранных им непо-

нятно из какого железного хлама, и из-за поворота, «на рыдване», бешено выносилась ярко-красная «казанка», его искренне любили все и очень ценили как специалиста – равного ему промывальщика, пожалуй, не было не только на Базе, да и во всем Районе, описание керна он выполнял безупречно (если конечно добирался до кернохранилища), да и таскать шестидесятикилограммовый рюкзак в долгие и скучные маршруты по геохимическому опробованию, желающих было не так много.

Естественно, за самовольный уход ему объявляли очередной выговор, обещали урезать премию, ругали, грозили увольнением, но он только мотал лысеющей головой, и, наматывая на палец лохматую бороду, сипел: «Ну, ладно, ладно, в последний раз, предупрежу...». И тут же выдавал какую-то информацию, да так, что все геологи, как гончие собаки, «делали стойку». Многие не верили, – «Мы ж там сто раз были, не было этого!».

«Вчера не было, а сегодня берег подмыло, посмотрите, проверьте! Всего-то по Реке с пятьдесят километров...».

Обычно такие «проверки» заканчивались нагоняем от Главного, что «...нечего казённый бензин тратить зря, что есть план, данный нам страной и Министерством, а всё остальное – ерунда и наука! Хотя это и перспективно! А тебя Лёня, я в последний раз предупреждаю, не „пудри мозги“ молодежи, голова уже, лысая, как колено, а всё успокоиться не можешь!».

Лёня что-то сипел в оправдание, наматывал бородину на палец, а потом начинал рассказывать бесконечную историю про некое уникальное месторождение, которое он и нашёл, и что вот из-за этого самого «...злосчастливого плана и косности начальства, страна так и не получила очень нужный ей металл...».

В отряд он напросился сам, так как это был самый дальний участок, «...дальше только океан...», привычно ходил в маршруты, таскал неподъемные мешки с пробами, мыл шлихи, ловил рыбу, травил бесконечные байки, и казалось, что ничего его не брало, ничего не интересовало, ни проблема с продуктами (хотя поесть он любил), ни мерзкая погода, ни план по опробованию.

– Что ж, давайте о грустном... При самом скромном разделе, жратвы у нас ребята, на десять дней – пару недель, плюс «НЗ»... Ну и рыбка есть, несколько штук – сказал он.

– А что «НЗ»? – встрепнулся Володя.

– Сгущенки шесть банок и кофе консервированного со сгущенным молоком – три.

– Сгущенка – это здорово, я помню, в одна тысяча, одна тысяча семьдесят..., – начал свой очередной рассказ Лёня.

– Да погоди, Лёнь! Потом расскажешь, давай о деле сначала...

– Завтра я и Вовка уходим на трое суток, работать будем часов по 16—18, до упаду, берём с собой только спальники и пленку от дождя, и что можно быстро сготовить – тушен-

ку, чай, сахар... Я иду на восток, он на запад, до начальных точек, потом идём параллельно друг другу, потом поворачиваем обратно и встречаемся здесь, – он ткнул в карту карандашом. Встречаемся, оставляем пробы, идем вниз, к избе, оклемаемся и снова, и дальше! А ты, Лёня, идёшь вверх, забираешь пробы, здесь, в условленной точке, там тригипункт старый. Его видно отсюда...

– Было видно, – просипел Лёня, – а сейчас там только «суп гороховый», да есть его нельзя! Вот помню, нашел я раз в зимовье мешок гороха...

– Лёня, Лёня, потом! Ну, ты же старше нас, опытней, пойдешь по азимуту!

– По азимуту... Это можно! Начальник, дай сгущеночки баночку, для поддержания сил! – радостно просипел Лёня, предвкушая дни, полные блаженного одиночества.

– Это когда мы придем! А пока – по ручью вверх, и по левому притоку, делаешь шлиховку через каждые 50 метров, вешки там стоят, и насколько сил хватит!

– Дашь сгущенки – хватит надолго! – ухмыльнулся в бороду Лёня.

– Ладно, одну оставлю, как НЗ!

– Но это же нарушение инструкции и техники безопасности – воскликнул вдруг Володя. – В одиночку запрещено!

– А забрасывать нас втроём – не нарушение? Всё «план, план, план», будь он неладен! Закрыли глаза, и сам Степаныч подписал! Кто виноват, что Сергей ногу сломал?

Их должно было быть четверо – два геолога и два техника, ходить в одиночные маршруты категорически запрещалось, но в последний день, «отмечая» начало сезона, второй техник, из «недоучившихся студентов», умудрился сломать ногу, и его, костеря на все лады, отправили первым же «бортом» в Поселок, в больницу. Заменить было уже некем и начальство решило рискнуть, отправить троих, чтобы уж совсем не срывать работу, а если будет возможность, то забросить им человека... Но прошел почти месяц, висевший туман не вызывал иллюзий, да и скорее всего, о них просто забыли. Приходилось работать втроём, в нарушение ходить в одиночные одно-двухдневные маршруты, но в такую погоду уходить одному было очень рискованно... Курумники, бесчисленные расщелины, горная труднопроходимая тайга, отвесные склоны... И в хорошую-то погоду иногда приходилось ходить связкой, а уж в таком тумане...

Утром погода немного улучшилось, даже чуть просветлело и после скромного питья чая, двое ушли в туман. Лёня постоял, что-то просипел вслед, помахал рукой, закурил, обречённо вздохнул, взял лоток, мешочки и побрел к ручью...

Работа промывальщика ему нравилась, можно было думать о чём-то своем, смотреть периодически по сторонам, любоваться струйками воды, огибающей камни. Он по привычке не обращал внимание ни на гнус, забивающийся в уши, ни на ледяную воду ручья, ни на опухшие от воды пальцы. Как хорошо налаженный механизм, зачерпывал

со дна ручья грунт, привычно осматривая, выбрасывал крупную гальку, тщательно промывал шлих, ссыпал в мешочек, шел ещё выше по ручью, автоматически отмечая по вешкам с белыми тряпочками каждые 50 метров. Опомнился он только через несколько часов, и понял, что гнуса-то давно нет, а дождь резко усилился. Да, ребятам сейчас нелегко, подумал он, надо было бы ему пойти – и сил побольше, и выносливости, опыта... Но против начальства, тем более молодого, не пойдешь, а промывку шлихов квалифицированно мог сделать только он, а это уже почти полдела.

Что ж, надо пойти посушиться, перекусить, а потом снова за работу. Через час он добрался до избушки... Дождь уже не шёл, а лил...

«Да, много я пропахал, сегодня, однако...», Лёня критически осмотрел груды шлиховых мешочков, подвесил их около печки, просушиться. «...Можно сегодня и отдохнуть, всю работу всё равно не переделаешь...». Подкинул дрова в печурку, угольки ещё тлели, раздул огонь, поставил свой личный огромный и закопчённый медный чайник невесть каких времен (в свое время обменял у чукчи—оленевода на лично выкованный нож), снял мокрые насквозь брезентовый плащ, энцефалитку, свитер, штаны, выжал досуха, повесил сушить над печуркой. Переоделся в сухое, закурил и по обыкновению, наматывая бороду на палец, погрузился в мысли о ребятах. Как идут, как опробование, как там погода, не было бы беды – и что-то волновало его, обычно спокойного, не теря-

ющегося ни в каких ситуациях, прошедшего сотни тысяч километров по тайге и тундре, тонувшего в бурных сибирских реках.

Он вытаскивал, по пояс в болоте и грязи, завязшие и застрявшие машины и вездеходы, тушил лесные пожары, и чуть сам однажды не сгорел, спасал себя и других, падал вместе с загоревшимся вертолетом в тайгу, прошёл однажды почти 200 км по кочковатой тундре, таща на себе и на волокуше товарища, сломавшего обе ноги...

Но мало кто знал, что за внешним спокойствием, неким несерьёзным, даже детским отношением ко всему, к жизни, к людям, крылся точный, интуитивный расчёт в любой ситуации, и именно поэтому, несмотря на постоянные разъезды и «брожения», он ни разу не попадал впросак.

Шипение чайника вернуло к его реальности... Бросив в огромную, помятую и закопченную алюминиевую кружку (ее называли «Лёнина бочка») добрую пригоршню заварки и несколько кусков сахара, он опять закурил, отрезал от свежепосоленного чира хороший шмат, и с наслаждением принялся чаевничать...

...На сопках клубился туман, и Володя, тяжело дыша, карабкался вверх по склону, периодически сверяясь с компасом – держать направление можно было только по азимуту. Ему надо было пройти ещё всего несколько километров, прежде чем он дойдет к начальной точке опробования. Три дня... Три, три дня одиночества, именно того, чего Володя

и боялся больше всего! Но как можно было показать свой страх перед другом, с которым вместе учился в школе, потом ещё и пять лет геологоразведочного, вместе попросились в этот Район, вместе отработали уже два года на Базе... Да и Лёня, несмотря на всё свое спокойствие, не так уж прост, стыдно было показать ему свой страх...

Ноги скользили по мокрым камням, приходилось быть крайне внимательным и осторожным, чтобы не соскользнуть вниз, на огромные остроугольные глыбы, и, помогая себе молотком как ледорубом, Володя вскарабкался на вершинку сопочки... «Туман, туман, густая пелена, мы к земле прикованы туманом...», – вспомнились ему слова песни из фильма про войну... Он попытался прикурить, но сигареты сразу промокли...

Так, первый прокол... «...Мы к земле прикованы туманом...»... И дождем... Дождь, противный, морозящий, мелкий, холодный, заливал через штормовку.

«...Так, вот с этой точки, вниз, и по ложбинке, и опробование каждые 200 метров, это часа 3—4, потом опять вверх, и опять вниз...». Было светло, стояли белые заполярные ночи, солнце лишь скатывалось к горизонту, а потом долго висело над черной тайгой угрюмым желто-красным шаром, окрашивая небо в сюрреалистические красновато-черные тона. Но это в редкую, хорошую погоду, а сейчас, ни солнца, ни неба, с сопки не было видно даже Реки и ручьев... Только клубящийся туман и только неумолчный шум дождя.

...Бодрым спортивным шагом, не думая ни о чем, лишь мельком посматривая на компас, он шел вверх по склону. Прилаженный рюкзак, удобные сапоги, выверенная по росту, самолично выточенная ручка молотка, нож на поясе, в кобуре «ТТ»... Как всегда в начале маршрута, не ощущая ещё гнетущей усталости, он был счастлив. Он начальник отряда, пистолет, ответственность, от него зависит план Базы, участок его самый дальний и по некоторым косвенным данным самый перспективный.

Его называли «спортсменом» и «пижоном», энергии было много, он организовывал волейбольные и футбольные матчи, к нему пристально присматривалось начальство, но почему-то большинство «населения» Базы относилось к нему скорее нейтрально, а многие считали выскочкой – то ли из-за его уверенности в себе и своих знаниях во всем, что касалось геологии (и не только), то ли из-за некоего лихого полевого пижонства, любви к хорошим вещам и комфорту. Бороду он принципиально не отращивал, и тщательно брился каждое утро, испытывая терпение Володи и Лёни, ждущих его к завтраку.

На Базе как-то не было принято «красоваться», большинство мужского «населения» отращивало бороды различной длины и формы, и весь сезон носило грязные, прожженные телогрейки, штормовки и энцефалитки, исключение составлял лишь подтянутый, всегда гладко выбритый Главный, да ещё Нач. Спецотдела, но им по рангу было положено. Даже

его друг, увалень, трусоватый, вечно неуверенный ни в чем Володя, и тот периодически пытался бурчать, что, мол, «вырядился как на свадьбу».

Так, вот и начало маршрута... Он уже не думал о друге, об оставшемся Лёне, только работа, работа, пробы и цифры на карте. Он не думал о том, что это нарушение ради работы, ради плана может кончиться печально, и для него и для Володи, его интересовал лишь результат, точки, значки и линии на карте, его жгла неуёмная слава первооткрывателя, «добро» от начальства, и кто знает, может его имя ещё окажется на карте, как мечтал Баклаков из «Территории» Олега Куваева, его кумира, любимого автора. Он как-то «заикнулся» при Главном о Куваеве, с которым оказывается, тот был знаком лично, но Главный скептически и как-то очень уж небрежно отозвался о его кумире...

...К ночи дождь почти прекратился, но туман стал еще гуще, и буквально в 10 метрах вообще ничего не было видно. Володя скинул тяжелый мокрый рюкзак, отвязал пленку, растянул в виде тента. Теперь бы надо костер, осушиться, обогреться. Он в последние дни не совсем себя хорошо чувствовал, знобило, побаливала голова. Но подать виду, что заболел, не мог, стеснялся и друга, который сразу бы начал читать мораль и пичкать разными лекарствами, так как считал, что очень хорошо разбирается в медицине (как-никак папа – врач, профессор), и Лёню, которого почему-то побаивался. Да и срывать работы было нельзя, «Главное – план» –

твердили на Базе, – «а всё остальное – лирика и наука!».

Весь валежник был мокрый, сушняка было не найти и Володя, борясь со сном и усталостью, решил перекусить холодной тушенкой, попить воды с сахаром, а потом залезть в спальник и заснуть.

...Охотничьи спички, непромокаемые и негаснувшие на ветру, сделали свое дело, мокрый валежник разгорелся, можно было вскипятить чай, разогреть тушенку, поесть, подумать, даже помечать. А мечтать он любил – видел себя маститым ученым, даже академиком, «светилом геологической науки», «первооткрывателем месторождений». Поэтому и напросился при распределении сюда, в глушь, в непроходимые дебри тайги и гольцов, в край гнуса и комаров, короткого холодного дождливого лета и суровой зимы. Хотя была возможность остаться дома, тихо пристроиться в тихий академический институт, папа бы помог, у него полгорода лечится. А там аспирантура, степень... Но он хотел именно туда, где можно себя проявить, показать, а через несколько лет, собрав уникальный материал и получив навыки не академического исследователя, а именно полевика-производственника, он смог бы рассчитывать на лавры. А вдруг и открыл что-нибудь, месторождение, например! Слава, слава, неуёмная слава двигала им, и под шум дождя он незаметно уснул у догорающего костра.

...Лёня проснулся среди ночи, привычно нашарил сигареты и спички, закурил... Что-то тревожило его, что-то или

случилось, или что-то должно было случиться, но как он не старался отогнать тревожные мысли, какая-то гнетущая тяжесть сидела внутри. «Или я старею, или что-то с ребятами» – подумал он, хлебнул остывшего чая, выкурил еще сигарету и опять заснул.

Проснулся Лёня очень рано, не как обычно, хоть и был любитель поспать, ночная тяжесть тревоги не исчезла, она сидела где-то внутри, и что-то тупо долбило в мозгу – «Опасность, опасность, опасность!» Такое у него бывало и раньше, он чутко чувствовал опасность, однажды не полетел, не сел на рейс, долго пытался уговорить летчиков подождать, от него отмахнулись, опять мол, чудит, а вертолет разбился, в тумане налетев на скалу, погибли все; в другой раз, вплоть до страшной ругани с начальником и всем отрядом, отказался ставить лагерь в намеченном месте, настоял на своём, и оказался прав – ночью обвал снес половину горы, чудом не зацепив палатки, которые он, по мнению всех, поставил в «самом неудобном месте». Но сейчас он «чувствовал» не за себя, а за этих двух пацанов, затерявшихся в дожде и тумане.

...Володя с трудом поднял голову, было очень холодно, его знобило, он стал шарить по карманам рюкзака, ища аспирин (незаметно от других взял из аптечки), но неупакованные, второпях засунутые в карман таблетки, совершенно размокли. Грустно посмотрев на месиво обертки и аспирина, Володя все-таки решился проглотить это «лекарство»,

запив невкусной дождевой водой. С трудом поднявшись, он понял, что заболел окончательно, ноги были ватные, голова кружилась, бил озноб. Кряхтя и морщась от боли в мышцах, вдел лямки рюкзака, и тяжело опираясь на молоток, пошел по склону к первой точке опробования...

...Он проснулся бодрым, развел костер, вскипятил чай. Даже непрекращающаяся морось дождя не могла испортить его рабочего настроения, сегодня третий день, опробуем максимальное число точек, а завтра можно и домой, к избе, передохнуть день, и снова за работу... Если таким темпами, то всё успеем в срок... Вот только бы Володька не подвел, увалень, спит на ходу, всё по два раза надо повторять, всё проверять, всего боится, всегда не уверен. Хоть и знает его много лет, с детства, со школы, и жили в одном подъезде, и именно он уговорил его идти в геологоразведку, но в последнее время Володя его просто раздражал, и он уже жалел, что затащил его с собой, в этот Район, на Базу, вынужден был нянчиться с ним, решать вопросы с начальством, которое весьма косо смотрело на этого «молодого специалиста», ничем себя не проявившего за почти два года работы. «... И где ты выкопал это «столичное чудо», из рук всё валится, спит на ходу...», – частенько шептали ему. Он как мог, пытался помочь другу, который постоянно ничего не успевал – ни написать отчет, ни сделать карты, да и просто разобрать образцы.

Ладно, подумал он, сейчас работа, а вся остальная «ли-

рика» потом. Работа пошла, привычный, быстрый, механический отбор проб, где возможно он проводил опробование даже через 50 метров, хотя это и не входило в планы, дождь почти перестал, да и туман рассеялся, стало светлее, корявые стволы лиственниц стали из черных коричневыми, а кедровый стланик, приобрел, наконец, весёлый зеленый цвет, яркими красными шариками светился шиповник. Через пару часов он вкарабкался на каменистую вершину сопки, с ещё лежащим снежником, снял рюкзак, разогнул усталую спину, и огляделся... Внизу, из тумана, торчали лишь верхушки деревьев, но погода явно налаживалась. Ветерок отгонял надоедливую гнуса, и ему стало весело – работа шла как надо, натренированный спортом (как-никак кандидат в мастера по скалолазанию!) организм не давал сбоев, дышалось легко. Он не думал о Володе и Лёне, разберутся и без него, не маленькие, надо спешить, спешить, во имя плана, во имя славы и удачи!

Надо было пройти через снежник, спуститься в лощинку, но «путь к славе» перегородила небольшая расщелина, её можно было бы обойти, он самоуверенно прикинул расстояние, отошел на один шаг, оттолкнулся и прыгнул, нога соскользнула, он понял что падает, привычно попытался сгруппироваться, однако тяжелый рюкзак перевесил, он даже не почувствовал удара, только красная вспышка в глазах. Оставляя за собой следы крови из пробитой головы, он ещё несколько десятков метров катился по каменистому склону.

...Лёня вздрогнул, выпрямил затекшую спину и огляделся. Тяжесть тревоги стала непереносимой, явно что-то случилось, и надо было идти выручать ребят. Он положил мешочки в рюкзак, взял лоток и почти бегом направился к избушке, сбросил пробы, быстро собрался, взял компас, карту, повесил на плечо «тулку», сунул в карман патроны, подпер дверь бревном, чтобы росомаха не забралась, закурил, и быстрым шагом пошел по направлению к тригапункту.

...Володя с трудом брел по склону, болезнь брала свое, застилала глаза, он чудовищным усилием воли заставлял себя работать, ему хотелось одного – лечь на холодные мокрые камни и уснуть. Рюкзак невероятно давил плечи, он ковылял, опираясь на молоток, с трудом держа направление по компасу. «...Главное не сбиться, главное не сбиться...», – повторял он как заклинание. Туман рассеивался на глазах, дождь прекратился, но Володя даже не заметил этого, он автоматически отбирал и отбирал эти злосчастные пробы, он не мог, не мог подвести друга, Лёню, геологов, аналитиков, начальство, Главного. Дойдя до последней, намеченной на сегодня точки, Володя свалился на землю и потерял сознание...

...Леня почти бегом добрался до старого, покосившегося тригапункта. «Уф, дышалка уже ни к чёрту, надо бы курить поменьше, и куда ж теперь идти? Ребят ещё нет, и явно что-то случилось...». Он подумал, привычно намотал бороду на палец, закурил, ухмыльнувшись мысли, что надо бро-

сать курить, и направился налево, вверх от тригапункта. Он шёл интуитивно, не зная, куда идет, но зная, что идет правильно, шёл, и почти не сверяясь с компасом, держал направление, обходя заросли кедрового стланика, поваленные стволы лиственниц, скользя и спотыкаясь на скользких камнях курумника... И чем дальше шел, тем больше становилось чувство тревоги, но приходила и уверенность, что путь он выбрал правильно.

...Володя очнулся, с трудом сел, не понимая где он. Туман опять начал сгущаться, заморосил дождь. Он не мог вспомнить, как дойти, как спуститься к месту встречи, как дойти до избы, какой азимут был, решил посмотреть на компас, но его... не было, видимо ремешок порвался. Отчаяние охватило его, он болен, совсем без сил, не знает, не помнит куда идти. Володя упал на мокрую землю и заплакал.

...Боль была во всем теле, больше всего в голове, он попытался открыть глаза, но увидел лишь красно-черные пятна. Неужели ослеп? Он протер лицо и глаза, попытался ощупать голову и взвыл от боли, волосы были слипшиеся, вся рука в крови. Разодранный рюкзак валялся неподалёку, пробы рассыпались, молоток исчез, вдоль склона по камням темнели пятна крови.... Здорово меня шандарахнуло, допрыгался, «спортсмен», одна секунда решила всё, перевернула всю жизнь... Он попытался встать, но боль пронзила тело и голову, дышать было больно, видимо были сломаны ребра. Руки сильно разбиты, в ссадинах, щегольская энцефалитка пре-

вратилась в лохмотья, даже сапог умудрился порвать. Хорошо еще ремень выдержал, хороший офицерский ремень, цел и нож, и «ГТ». Послышался шорох, он с трудом оглянулся – из зарослей стланика и шиповника показалась бурая туша. «Медведь!» – подумал он и потерял сознание.

...Лёня скинул с плеча «тулку» и выстрелил... Подождал несколько минут, прислушался... Тайга и сопки молчали... Он сделал второй выстрел, и уже собрался идти дальше, как вдруг, почти рядом, в небо взлетела ракета... Лёня бросился на звук и буквально через несколько десятков метров увидел лежащего на земле, плачущего Володю, с ракетницей в руке, по его грязному лицу текли слёзы. Он лишь шептал: «...Лёня, Лёня, я все пробы отобрал, все... Компас потерял, меня ругать будут, не знаю куда идти, заблудился...»

Лёня приложил руку к Володиному лбу.

– Да на тебе, парень, можно чайник кипятить, за сорок у тебя... Как же ты шёл-то?

– Заболел я, ещё позавчера, но все пробы отобрал, как велели...

– Вот что ты за дурак, надо было домой, в избу идти сразу, тоже мне герой—производственник!

– А план, а работа?

– И далась вам эта работа, здоровье свое гробить! А где друг твой, начальник?

– Не знаю, я компас потерял, пробы, пробы в рюкзаке, я отобрал, я не подвёл...

Видимо Володя стал бредить, и надо было бы тащить его вниз, но Лёня чувствовал, что с начальником совсем беда. Володя-то полежит пару часов, разведем костер, напоим шиповничком, оживет.

Он привычно и быстро развел костер, пошарил в Володином рюкзаке – одни мешочки с пробами, на дне лежали банки с тушенкой, размокший сахар и чай, мокрые коробки со спичками. «Так он ещё и ел ничего три дня! Вот герой-производственник! И кружки у него нет, потерял, ладно, чай с тушенкой посытнее будет, однако!».

Лёня быстро вскрыл две банки, вытряс тушенку на пустой мешочек из-под проб, набрал воды в лужице, поставил кипятить, и пока вода быстро закипала, нарвал ягод шиповника.

Отвар был готов, он поставил немного остудить, походил, присмотрелся, нашел и приволок пару здоровенных бревен, положил в костер... Так, этого надолго хватит... Раствормошил Володю, приподнял ему голову.

– Давай чай пить, однако, три дня не пил, не ел, герой!

Володя с трудом открыл глаза.

– Где я?

– На Земле ты, на Земле! Земля – это такая планета, третья от Солнца! Пей отвар, лучше будет!

Володя с трудом улыбнулся шутке, глотнул горячий отвар с запахом жира и тушенки, закашлялся, но выпил всё варево, потом и вторую банку...

– Что, легче стало? Значит так, чую я – с начальником на-

шим беда совсем! Ты здесь полежи, я быстро сбегаю, он точно где-то недалеко... Костёр у тебя есть, сейчас ещё заварю пару банок, если хочешь – вот «тушеночка в мешочке».

– Лёня не уходи, я... Я боюсь, боюсь остаться один...

– Кого ты боишься, ты трое суток по тайге ходил, в одиночку, не боялся, да здесь на двести километров ни одной живой души! И привидений здесь тоже нет, так что бояться некого! Если что – пали из ракетницы, ещё пара ракет осталась. А главное сиди на месте, и никуда, понял? Я скоро буду!

Лёня нарубил лапника, расстелил на него «спальник», уложил Володю, прикрыл рваной полиэтиленовой пленкой от дождя, поправил бревна в костре, вскинул «тулку» на плечо, и, махнув рукой, быстро ушел...

...Медведь был совсем молодой, ни разу не видевший человека, ему было и страшно от незнакомого запаха, и любопытно, да запах крови будоражил. Потихоньку, крадучись, подойдя к неподвижному телу, он еще раз понюхал, и уже вытянул длинный язык, чтобы лизнуть, но в это время ветерок донес еще один запах... Медведь оглянулся и рявкнул с перепугу – на склоне сопке стояло что-то напоминавшее его сородичей, вот только запах был странный – незнакомый запах дыма и железа.

«...Ёлки—палки, этого ещё не хватало, час шёл и пришёл, и если это труп, то всё, скандал невероятный, достанется всем, однако... А может всё-таки жив? И медведь этот

некстати, хорошо молодой, сейчас пуганем, должен убежать, видно, что и сам боится...». Лёня уже приготовился постучать ножом о ствол «тулки», как вдруг раздался треск кустарника, и на поляну вылезла огромная чёрно-коричневая туша с седым загривком.

«...Вот так дела, вот не повезло, сам хозяин пожаловал, однако!...».

Молодой медведь видимо случайно забрел на территорию «старика», и тот, учуяв запах чужака, стерпеть не мог. Тем более запах крови, добычи... Седогривый гигант громко рывкнул, но молодой, то ли по глупости, то ли с перепугу, ответил тем же... «...Если будет драка, они ж его затопчут, надо что-то делать!...».

Он осмотрел патроны – два жакана, а остальное так, птичья дробь, но можно пугануть молодого, вреда не будет, он убежит, а старый за ним, вдогонку. Он зарядил «тулку» патроном с самой мелкой дробью и выстрелил молодому в зад... Тот присел от неожиданности, дико заорал и опрометью пустился наутек. Но матёрый «старик» лишь рывкнул вслед, он совсем не хотел уходить от неподвижной добычи...

Леня заметил, что матёрый прихрамывал на заднюю лапу... Не тот ли это «трехлапый», о котором рассказывали промысловики, и которого обвиняли в нападении на собак и даже на людей? Если медведь-людоед, то совсем плохи дела, эти ничего не боятся... И из «тулки» эту тушу не возьмешь, тут карабин нужен... И тут он с ужасом увидел, что

рука лежащего потянулась к кобуре «ГТ»!

«Вот дурак, с этим-то пугачом на медведя, верная смерть, один выстрел и точно бросится!».

Лёня быстро вставил в ствол жакан, он понимал, у него был только один шанс и если промажет, медведь разорвёт обоих.

...Его чуть не обожгло выстрелом, «спортсмен» в беспмятстве палил почём зря, но, по-видимому, абсолютно случайно пуля попала медведю в позвоночник, тот дико взревел и осел на задние лапы, попытался сделать прыжок, но Лёня сбежал вниз и почти не целясь, выстрелил. Огромная туша с ревом упала и затихла.

– Ну, ты даешь начальник, чуть меня не убил, но смотри-ка, завалили мишку, удачно, если бы не ты, нам всё, хана! Да отдай ты пистолет, – Лёня с трудом разжал заковневшие пальцы, – всю обойму выпустил, ковбой!

– Лёня, что у меня с головой, я плохо вижу, дышать тяжело, всё болит, ребра, вероятно, сломаны, нога сильно болит...

– Как ты умудрился грохнуть-ся-то?

– Хотел перепрыгнуть, поскользнулся, наверное...

– Вот спортсмен, пижон, чёрт тебя раздери! Как же я тебя тащить буду, до избы добрые 15 километров? Ладно, сейчас решим, и надо бы поскорее, а то мне этот «медвежий заказник» что-то совсем не нравится, не дай бог ещё ихняя бабушка пожалует!

– А что Володя?

– Заболел твой Володя, лежит у костра, с температурой высокой, километрах в трех отсюда, напоил его шиповником... Лежит, нас ждёт! Ох, чуял я, что-то случится, чуял, не надо было вам идти! Всё план, план...

– Лёня, дорогой, не ворчи, посмотри, что у меня с головой...

– Разбил ты её, разбил здорово, но вроде череп цел, хорошо еще лбом приложился, а вот если затылком или виском, был бы медвежьим обедом. Вот я помню, случай у меня был...

– Лёня, пожалуйста, мне очень плохо, голова кружится, тошнит, пить хочу...

– Сотрясение у тебя, благо есть чего сотрясать, не было б мозгов, не было бы сотрясения... Ничего, череп крепкий, выдержал...

Лёня задрал ему энцефалитку – вся левая сторона тела была сплошным красно-синим пятном, но крови не было, кожа была целой, снял рваный сапог, ступня была синяя и опухшая... «Так, ещё и вывих, идти он точно не сможет... Надо делать волокушу и тащить, на себе нельзя, да и тяжело лават он...».

Лёня напоил «пижона» из его же фляжки, разыскал в шикарном, сшитом на заказ рюкзаке щегольский импортный туристический топорик, свалил две молодые лиственницы, со вздохом сожаления отрезал у рюкзака лямки и ремни, свя-

зал каркас волокуши... Пришлось разрезать и рюкзак на широкие ленты, соорудив опору.

– Так начальник, привяжу я тебя, чтобы дорогой не потерять, а ты держись крепко, прости уж, карета без рессор! Ну всё, поехали, – Лёня с натугой приподнял ручки волокуши и пыхтя потащил её вверх по склону...

...Володя то засыпал, то просыпался, после отвара шиповника стало немного легче, но начался кашель, и он пытался сообразить, что же с его другом, почему Лёня так разволновался, побежал, оставив его? Но голова кружилась, и мысли путались. Он засыпал под шум дождя, опять просыпался от кашля, прислушивался...

Раздался шорох, шаги, тяжелое пыхтение, и до боли знакомый голос просипел:

– Вот, принимай напарника твоего, живой, слава Богу!

– Что с ним? – спросил Володя, оглядывая стонущего друга...

– Головой твой кореш приложился и крепко, ребра сломаны, вывих... А ты-то идти сможешь, а то вас двоих не дотащу!

– Я попробую, я дойду...

– Сейчас перекурю, чайку глотну и пойдём...

Володя с трудом поднялся и стал собирать рюкзак.

– Да оставь ты эти пробы! Еле ходишь!

– Лёня, это наша работа. Мы обязаны...

– Жить вы обязаны, а не подохнуть здесь, в тайге, из-за

того, что какому-нибудь чинуше, который никогда и поля-то не нюхал, в Москве, в Министерстве, премию дадут! До избы ещё надо дойти, и с Базой связаться, пусть «вертушку» срочно высылают, с врачом! У «спортсмена» явно температура повышается... Пока его тащил, он то орал, то стонал, сознание потерял, бредил, и всё как и ты – про пробы, про геологию, про славу... А я потом вернусь, всё заберу, там ещё пробы остались и медведь лежит, 300 килограмм чистого мяса!

– Медведь, откуда?

– Кореш твой из «ГТ» умудрился повалить, ну и я добавил. Повезло, палил ведь в белый свет как в копеечку, ковбой, но если бы не он, были б мы медвежьим обедом... Потом расскажу...

Через полчаса, Лёня, пыхтя и сопя, тащил волокушу, за ним опираясь на молоток, пошатываясь, брел Володя...

Через несколько часов, с многочисленными остановками для отдыха и перекуров, они наконец-то добрались до избы. Лёня был вымотан, чудовищно устал, но надо было растопить печку, поставить чай, разобраться с ребятами...

Володя, надрывно кашляя и шатаясь, вошел в избушку, повалился на свой топчан и тут же уснул.

Лёня с трудом доволок стонущего от боли начальника до топчана, уложил, снял сапоги, «энцефалитку», осмотрел еще раз рану на голове. Кровь уже не шла, но образовалась огромная гематома, и явно резко подскочила температура.

«Вот лазарет-то, „больница имени Сиплого“, Вовка кашляет, похоже на воспаление легких, а антибиотиков нет, лекарств толковых нет, один анальгин с аспирином и уголь активированный. Бинтов и тех нет, извели на вешки... Надо „вертак“ вызывать, срочно!».

Он взял рацию, забросил провод антенны на дерево, щелкнул тумблером, батареи быстро садились...

– База, База, я «пятнадцатый», я «пятнадцатый», приём...

Через шорох помех он услышал голос Юрика, радиста Базы, и его закадычного друга.

– Сиплый, ты что ли? Чего не в урочный час, и ты на связи, а не пижон? Соскучился?

– Юрик, у нас ЧП, поднимай «летунов», всех кого можно... У меня один пацан с воспалением легких, второй с пробитой головой! Срочно нужен врач и лекарства!

– Лёня, плохо слышно! Что случилось? Приём!

– Ещё раз – у нас ЧП, срочно «вертак», врача с пенициллином, батареи садятся! Приём!

– Понял... ЧП... Врач нужен... Батареи...

Рация заглохла... «Вот невезуха, и батареи сели... Когда «борт» прилетит, ещё неизвестно и вообще может и не скоро, туман опять сгущается, дождь...».

Лёня растопил печурку, поставил чайник, порылся в аптечке. Володя спал плохо, периодически просыпаясь, сухой кашель раздирал ему грудь, начальник стонал и бредил.

Ночь прошла беспокойно, Лёня почти не спал, ухаживая

за больными, в перерывах умудрился немного восстановить батареи радиации, проколов шилом отверстия и залив солёную воду, смог связаться с базой и услышать от дежурного радииста неутешительные новости, что «вертака» пока нет, на Базе такой туман, что «носа не видно», но «...все в курсе, Главный в ярости, девушки в печали, врач наготове...». Надо было идти за пробами, да и туша медведя пропадала.

Он быстро собрался, засунул в рюкзак полиэтиленовую пленку, оселок и два ножа, поставил перед каждым «болящим» по кружке с чаем, наматывая бороду на палец, осмотрел «лазарет», вздохнул, закурил и быстрым шагом пошел по ручью, решив немного сократить дорогу.

Дождь моросил как обычно, и всё было серым и скучным. Он шёл и думал о своей жизни, что всё-таки прошла не зря, что она была интересной, удалась, только вот устал он что-то от постоянных приключений и разъездов, всё время кого-то то спасал, то искал, то тащил, то ухаживал за больными, прямо-таки «добрый доктор Айболит». Что ж, «делай добро и бросай его в воду», вспомнил он армянскую поговорку. А вообще надо бы уже думать о доме, уютной избе где-нибудь в Поселке, прибиться к рыбакам, и потихоньку жить дальше, хватит бродяжить, полстраны пешком прошёл, ноги стоптал.

Туша медведя лежала на месте, нетронутая, но уже кружили вёроны, он собрал рассыпанные мешочки с пробами, освежевал тушу, забрав только два окорока и немного жи-

ра, больше не унести... Что ж, пусть и таежное зверье полакомится, такова жизнь – или медведь нас, или мы медведя. И лапа у него явно деформирована, потому и хромал; вероятно, это и есть «трехлапый», гроза поселковых собак и ужас промысловиков, шатун.

Лямки тяжелого рюкзака резали плечи, и надо было торопиться, он дошёл до места встречи с Володей, догрузил его пробы, рюкзак и спальный мешок оставил, «...спишем как сторевшие, не в первой, что эту мокроту тащить, спина своя, не казённая...».

В избе было всё также, но в воздухе витал запах болезни и ...смерти. «...Плохи дела, если через сутки – двое „вертака“ не будет – хана...» – подумал Лёня.

Володя поднял голову: – Ты где был, я звал, звал, плохо мне, дышать трудно.

– За пробами я бегал, принес, сейчас и медвежатинку сварю, окорок, поешь, и жиром медвежьим тебя намажу, легче станет... Что начальник наш?

– Стонет, без сознания, бредит, пытался его напоить чаем, не получается, нарыв у него на голове, большой. А что за медведь, ты обещал рассказать!

Лёня поставил ведро с медвежатиной на печку, растопил жир, натер им Володю, напоил чаем, закурил, и в красках, как хорошо умел, рассказал и про молодого медведя, как тот, вопя от страха, удирает, почувствовав удар дроби в зад, и про матерого «трехлапого», и как начальник палил

из «ТТ», чуть не попав в него, и про свой единственный удачный выстрел...

Несмотря на невероятную усталость, ведь пройдено было почти 30 километров по ручью, тайге и курумникам, и смертельное желание поспать, Лёне надо было ухаживать за больными, опять связаться с Базой, и придумать, чем лечить гематому «пижону», нарыв был огромный и пульсировал, надо было вскрывать... «Мало того, что я им сиделка, я ещё и хирург. И швец, и жнец и на дуде игрец!».

Лёня налил в миску горячей воды, порылся в своем рюкзаке, нашел всё-таки стрептоцид, пузырёк с йодом, упаковку бинта, накалил нож на свечке, продезинфицировал спиртом, и, зажмурившись, ткнул в нарыв. Хлынул гной, «пижон» громко застонал. «Всё, всё, начальник, терпи начальник, теперь всё!». Выдавил как смог, гной, промыл тёплой водой, залил йодом, засыпал стрептоцидом, наложил повязку. Что ж, остается только ждать, ждать «борта», ждать врача, ждать, ждать, опять ждать... За свою почти 40-летнюю бродячую полевую жизнь он привык ждать, был бы чай да курево, ждать погоды, вездехода, вертолета, самолета, продуктов, ждать людей из многодневных маршрутов... Лёня незаметно уронил лохматую лысеющую голову на стол и тут же уснул... – «Лёня, Лёня», услышал он сквозь сон: «Пить, пить!».

– О, начальник очнулся, живой, разговаривает! Попей, попей, родной, и анальгин съешь, и спи, спи, тебе сейчас

сон – лучшее лекарство, скоро окорок сварится, ещё часик, накормлю медвежатиной, оживешь! И Володке вроде легче стало, кашляет меньше! Помог наш медведь-то, не зря заваляли!

Он вызвал Базу, сообщил что ситуация уже лучше, что нарыв он вскрыл, но «борт» и врач по-прежнему нужны срочно. Радист ответил, что как только малейший просвет, «борт» вылетит, что «доктор сидит на своём чемодане со шприцами и клизмами и всегда готов», а Главный «всех разогнал, и велел лично и каждый день сообщать обо всём, что творится в отрядах».

Следующая ночь прошла беспокойно, Володя надрывно кашлял, и, похоже, ему снова стало хуже, медвежий жир и варёный медвежий окорок особо не помогли, правда, сам Лёня наелся до отвала. Начальник стонал, температура у него была явно высокой, а утешительных вестей с Базы не было. «Погоды нет», «летуны» готовы, но начальник аэродрома «добро» не давал, не имел он права рисковать жизнью экипажа и врача. А метеосводки были неутешительны – дождь и туман, туман и дождь...

Измученный Лёня заснул... Сквозь сон ему почудился знакомый шум лопастей, он поднял голову... «Приснится же такое...». Однако шум лопастей становился все слышней, и Лёня понял, что это вертолёт ищет место для посадки...

Посадочной площадки здесь не было, сесть было сложно, тайга и скалы, единственное место – метрах в пятистах

от избы, где ручей широко разливался, было мелко и «борт» смог бы «приводниться» на камни плёса. Лёня схватил ракетницу и опрометью выбежал из избышки, добежал до ручья, выпустил подряд две ракеты. Вертолёт развернулся, посадке мешал туман, но увидев падающую ракету и машущего руками человека, экипаж виртуозно «приводнился» на ручей. Открылась дверь, и из ещё не успевшего коснуться колесами камней вертолёта, выскочил базовский доктор по прозвищу «Шприц» со своим знаменитым чемоданчиком, потом лихо соскочили два молодых небритых парня в ещё необмятых, новёхоньких энцефалитках, видимо новоприбывшие студенты-практиканты, они аккуратно, под руки вынесли медсестру Варечку, «Рыжее Солнце», в которую было влюблено больше половины всего мужского населения Базы. А потом – Лёня даже обомлел от неожиданности, и, пригибаясь от ветра лопастей, побежал к вертолёту. По лесенке не торопясь, на камни ручья, вышел сам Главный, потом Нач. Спецотдела, Главный инженер и даже бессменный Секретарь и Помощник Главного, однорукий Михал Афанасьевич.

– Так, веди к больным! – тут же приказал доктор.

– Что за высокая комиссия, смотрю, всё начальство здесь!

А если что случись, так и все сразу, в тайгу, в гольцы?

– Привет, Сиплый, всё остришь? Что у тебя здесь, что случилось? Почему ЧП? Голову сниму! – Главный явно был не в духе, но это можно понять, ЧП, раненый, поэтому и при-тащил с собой почти всё базовское начальство, для под-

страховки, если что, делить ответственность будут вместе – «дальстрояевская закалка» давала себя знать.

Лёня вкратце рассказал, утаив, что начальник по глупости прыгнул, сказал лишь, что тот упал, обороняясь от медведя, что они были в маршруте вдвоем, а Володя мыл шлихи и простудился после возни в ледяной воде. Он скрыл, не стал говорить про одиночные маршруты, про то, как Володя больной, рискуя здоровьем ради плана, отбирал пробы, про нарушение всех инструкций, незачем Главному об этом знать, а то ребятам достанется, а может и выгнать.

– А где начснаб-то? Я б его угостил гвоздями с мышиним дерьмом!

– Не волнуйся, с ним разобрались, в Городе уже, отправили, показания в прокуратуре дает. У своих же воровать! – Главный даже выругался. – Не у Вас одних проблемы оказались, чуть все полевые работы не сорвались!

Доктор вышел из избы, вытирая руки...

– Тебе, Лёня надо было бы не в геологи, а во врачи идти! И диагноз поставил правильно, и даже нарыв вскрыл! Иди ко мне в медчасть, медбратом!

– Так, доктор, что с ребятами? – спросил Главный строго.

– У «спортсмена» сотрясение сильное, месяца два полежит, ребра сломаны кажется, ну рентген покажет, вывих ноги... Но уже ничего угрожающего, и если бы не Лёня, всё могло бы плохо кончиться! У Володи пневмония, вколол пенициллин, всё нормально будет. Всё-таки медвежий жир по-

мог! Где взял-то, Сиплый?

– А «трехлапый» объявился, пришлось поговорить! Так что больше некому собачек кушать!

– Так, студенты, быстро носилки и грузите больных, сводки погоды плохие. Дождь сильный идет, – распорядился Главный. – Что ж, Лёня спасибо тебе, опять всех спас, соберись быстро, полетели домой!

– Нет Степаныч, я, пожалуй, останусь. Надо работу доделать, план же, да и избу бросить нельзя, надо всё убирать, консервировать. Сам же её строил, помнишь, лет пять назад, жалко!

– Ты с ума сошел, оставаться одному, я не позволю, категорически, хватит с меня этих двух пацанов!

– Степаныч, ты же меня почти 10 лет знаешь! Ничего со мной не случится, я чую! Доделаю работу, хоть шлихи домою, работы-то на недельку, а погода наладится – пришлешь людей, вот хоть этих двух студентов, доберём пробы. А не выйдет, закрою всё, приберу, да пойду. Здесь до реки-то всего 20 километров по ручью, а там бережком до Базы всего-то километров 200, дойду потихоньку, не впервой... План, план, Степаныч, сам твердишь всё время! Ребята из-за этого плана чуть концы не отдали!

– Ладно, Леонид, – подумав, сказал Главный, – нарушу я инструкции, которые сам писал и подписывал, и под мою личную ответственность!

– Спасибо, Степаныч! Вот только проблема, курево кон-

чается, махра-то у меня есть в заначке, но у меня от неё голос сохнет! – Лёня сипло рассмеялся...

– Курить тебе меньше надо, хрипишь и сипишь, как тюлень! И далеко не уходи, если что – сообщай, срочно, а как только погода будет, я тебе людей пришлю, продукты.

– И батареи для радики, и курево, курево! И чай, и стущеночки бы!

Прибежал студент: – Товарищ Главный, командир ругается, дождь идет, надо срочно возвращаться!

Они дошли до вертолётa, уже всюю раскрутившего лопасти, командир экипажа что-то гневно кричал и махал рукой. Главный хлопнул Лёню по плечу, потом неожиданно обнял, пробормотал «Держись, Леонид!», прыжком нырнул в вертолёт, лесенка исчезла, дверь на ходу закрылась.

Лёня долго стоял, курил и смотрел вслед улетающего «борта», потом не торопясь дошел до избы, глотнул остывшего чая, посидел, покурил, взял лоток, положил в маршрутный рюкзак мешочки и пошел к ручью...

Дождь усиливался...

Река

Мотор заглох ровно на середине пути... От Старой Фактории до избушки на побережье, откуда их должен был дней через пять забрать вертолёт, было около 400 километров по Реке и её протокам.

Оставалось пройти чуть меньше 200 километров «по карте» и неизвестно сколько на самом деле, аэрофотоснимки устаревали ещё до выхода в печать – Река ежегодно разливалась по Низменности, прорывая себе новое русло, и многочисленные протоки, озёрки, мысы и отмели не были обозначены ни на одной карте.

Все попытки реанимировать мотор (второй, также сломанный, за ненадобностью и для уменьшения веса протекающей лодки был оставлен на Фактории), ни к чему не привели... Сутки прошли в бессильной ругани, неоднократной разборке и сборке «проклятой железяки», но мотор категорически отказывался заводиться, да и продукты заканчивались...

После долгих размышлений, массы выкуренных трубок и литров выпитого чая, было принято решение – сломанный мотор, канистры с бензином (кроме одной, маленькой, для примуса), рюкзак с ненужными вещами, оставить на высоком берегу, на месте бывшего стойбища. С собой взяли лишь тяжеленный мешок со шлихами и образцами, ружье и ракет-

ницу, продранную палатку, спальные мешки, чайник да котелок, тощий мешок с остатками продуктов, и самый ценный груз – карты с отметками опробования, полевые дневники, кроки и схемы (всё было тщательно упаковано и завернуто в несколько слоев полиэтилена, оленью шкуру и брезент). Именно ради них и была затеяна вся эта работа, более чем двухмесячный маршрут по Реке, с её перекатами, протоками и притоками, ежедневной изнуряющей работой в тучах гнуса, под дождем, а иногда и снегом, шлиховка в ледяной воде, отбор проб, составление карт.

Идти на веслах 200 километров в протекающей лодке, даже вниз по течению, совсем не просто, и хотя на Старой Фактории лодку чуть подлатали, но через несколько часов пути она опять дала течь. Они постоянно менялись – один сидел на веслах, второй был вынужден постоянно вычерпывать воду котелком и кружкой.

Надо было спешить, до назначенного срока оставалось всего четыре дня, вертолёт ждать не будет, а рация, естественно, не работала. Радист на Фактории, толстый и «рыжий как осень», одуревший от сна, рыбы и безделья, рьяно принялся ремонтировать рацию, рылся в многочисленных ящиках и коробочках с деталями, паял, крутил-вертел, но без особого эффекта – рация лишь шумела, трещала и шуршала помехами, где-то слышались голоса и писк морзянки, но наладить связь с Посёлком так и не удалось...

В Партию сообщили, что они на Старой Фактории, что

всё в порядке, живы-здоровы, что будут в назначенном месте в назначенный срок, потом долго пили чай и прощались с немногочисленным «населением» – заведующим факторией, продавцом всякой всячины и приёмщиком пушнины в одном лице, невесть как попавшим в эти края хантом Афанасием Терентьевичем да радушным рыжим радистом Сашей. Сезон кончался, скоро зима, и Факторию должны были закрыть до весны... Вдалеке виднелись два чума чукчей-оленьеводов, да и они должны были скоро перекочевать...

Так что на все добрые 400 километров Низменности, Тундры, Реки и побережья Океана они бы остались вдвоем. Может где-то и «аргишили» чукчи, да оленей видно не было...

Две фигурки долго стояли на берегу и смотрели им вслед – маленькая и худая, ханта Афанасия, большая и толстая – радиста Саши... Дымок от их трубок разносился понад Рекой.

Грести короткими веслами было крайне неудобно, периодически лодка садилась на мель, они спрыгивали в холодную воду, снимать её с отмелей, иногда приходилось отгалкиваться шестом или «идти бечевой». С Океана стал задуть сильный ветер, несколько раз лодку ставило боком и переворачивало. Приходилось вытаскивать утопленные вещи, особенно проклиная неподъёмный мешок с пробами, к которому, в конечном итоге, как поплавков, привязали полупустую канистру с бензином. Чуть не утопили ружье, почти

час, дрожа от холода, искали его, вымокли с ног до головы, и, в конечном итоге, утопили мешок с остатками продуктов.

За двое суток до срока они умудрились заблудиться в бесчисленных протоках, пришлось «идти бечевой» против течения, постоянно выгружать лодку, протаскивать её через мели и песчаные мысы, перенося вещи на себе.

Ориентиров не было видно, Река да плоская как стол, Низменность, и ни одной возвышенности, чтобы подняться и оглядеться. За полдня до «часа X», измученные, вымотанные, промокшие и голодные, они увидели стоящую на намытом песчаном мыску крохотную избушку. Метрах в трехстах виднелся остов балка, на вросших в песок санях-волокуше, сваренной из буровых труб, да несколько ржавых железных бочек. Стены и крышу балка запасливый тундровый люд давно разобрал, а шторма и зимние вьюги довершили остальное... Покосившийся железный «скелет» с ключьями трепещущей на ветру стекловаты, напоминал выброшенный на берег остов корабля...

Избушка была построена в незапамятные времена из плавника и обломков досок, попадались даже доски от корабельной обшивки с почти стершейся надписью, низкая крыша поросла мхом и берёзками. С одной стороны избушка была подперта бревнами и выбеленными лютыми ветрами огромными китовыми ребрами. В избушке был лишь очаг-каменка, с прогоревшим алюминиевым котлом да короткий топчан, явно не рассчитанный на высокого человека. Дверь

еле держалась на ременных петлях, крохотное окошко было забито ржавым, продырявленным листом железа. Около избышки, под навесом, на камнях, стояла тщательно упакованная железная бочка, накрытая продраным и выцветшим толстенным корабельным брезентом и обмотанная проволокой.

Прошел день, и прошла ночь... Вертолёт не было... Прошли ещё сутки... Порывшись в рюкзаке, они набрали неполную кружку смеси продела, риса и пшена, полпачки промокшего чая, а в просоленном насквозь мешочке из-под проб – с чайную ложку соли.

Обед и ужин был весьма скуден, рыба не ловилась, стая гусей, после двух неудачных выстрелов, маячила вдалеке, но к себе близко не подпускала, патронов почти не оставалось, да и те через один давали осечку, порох подмок после многочисленных пребываний в воде. Нерпы высовывали головы из воды и долго смотрели любопытными блестящими глазами за двумя странными существами, которые бежали по берегу и что-то кричали. Даже глупый выстрел из ракетницы и несколько осечек из ружья не испугали их, они не боялись, понимая, что эти люди не причинят вреда.

Всё же было решено вскрыть бочку, и, к их удивлению и радости, бочка оказалась «под завязку» набита ...макаронами «Соломка», «высший сорт» в красных пачках по килограмму!

Прошел ещё день, и ещё, и они ели несолёные макароны

без масла. Вертолёт не было...

Прошла ещё почти неделя томительного ожидания, и уже одна мысль о том, что сегодня опять будут макароны, настроение не улучшала.

Пару раз по Океану, вдалеке, прошло какое-то судно, а однажды над Тундрой пролетел самолёт, не заметив ни пущенных ракет, ни прыгающих на песке и орущих фигурок. Вдали виднелось стадо диких оленей, но все попытки подойти к ним были безуспешны, стадо уходило всё дальше в тундру.

Положение было угрожающее, в Поселке про них или просто забыли, или поселковый радист что-то перепутал, и их ожидали совсем в другом месте... Конечно, можно было бы оставить пробы здесь, и, взяв только материалы, идти налегке по побережью более 200 километров до Поселка. Но прошагать 200 километров против пронизывающего сильного ветра, в продранной и заношенной за два месяца поля одежде и рваных сапогах, через болотца, увязая в мокром песке, пересекать чуть ли вплавь протоки многочисленных ручьев и речушек! Решение пока было одно – приходилось сидеть и ждать «борта» или ...удачи! Могли пройти вдоль берега пограничники или рыбаки на катере, подойти к избушке могли и олениводы. Недаром кто-то так тщательно упаковал бочку макарон, скорее всего, на зиму, для стойбища.

Делать было абсолютно нечего, резко похолодало, начались дожди, иногда и со снегом, ночевать в избушке можно было лишь по одному, свернувшись на коротком топчан-

чике, почти упираясь ногами в печку. Оставалась надежда на лучшее, палатка, через которую в хорошую погоду, ночью, можно было изучать звездное небо, мокрые и свалявшиеся спальные мешки и ...макаронны без масла и соли, уже вызывающие отвращение одним своим видом.

Они всё-таки решили идти, но не к Поселку, а в противоположном направлении, там, всего в 100 с небольшим километрах, должно было быть большое кочевье, да и идти туда было попроще, но вот чего не было – не было уверенности, не было гарантии, что оленеводы ещё там.

Утром, тем утром, когда они уже решились уйти, послышался шум мотора... Над побережьем, как бы с лентой, почти над водой летел оранжевый толстобрюхий самолёт, судя по всему, с биологами из Посёлка, из Заповедника, в последний раз, перед снегом, осматривающими свои «владения». Но не только две прыгающие и машущие руками фигуры, да выпущенные пара ракет, наконец-то привлекли внимание экипажа. Не только... На песчаной косе, метровыми буквами, красными пачками из-под макарон (набитыми песком, чтобы не унёс ветер) была выложена надпись ... «Позор Аэрофлоту»!

Самолёт сделал круг, потом еще один, снизился, как только можно, из открытой дверцы высунулась лохматая и бородатая голова и что-то весело прокричала. Вниз полетели две банки сгущенки, самолёт покачал крыльями и скрылся.

Через два часа прилетел вертолет... Бортмеханик хмуро сбросил лесенку, что-то пробурчал под нос, но увидев глаза и лица двух грязных, худых, оборванных геологов, решил промолчать...

З И М А

Снег в этом году выпал рано, на две недели раньше обычного... Ещё вечером была обычная осенняя морось, а утром – слепящая глаза белизна... Тайга резко изменилась, хлопья снега лежали на лапах елей, тишина была удивительной и непривычной после шума обычных осенних дождей, не было слышно звона капель и шума воды.

Кромка воды у берега подёрнулась тончайшим, прозрачным слоем ледка, но река еще не встала, и можно было пойти ставить сети.

Запас рыбы на зиму был, две с лишним бочки, да ещё вяленая, но «запас карман не тянет», и, сняв сохнувшие сети, он встряхнул их от снега, загрузил в лодку и не спеша стал выгребать на серединку плеса.

Река здесь широко разливалась, но было глубоко, течение было очень слабым, и рыбы бывало много, сети можно было бы даже зимой ставить, если лёд не будет слишком большим, а долбить лунки в почти двухметровом льду занятие не самое привлекательное.

Напротив, вдалеке, в прозрачном снежном воздухе синели скалы высокого обрывистого берега с торчащими тут и там черными, корявыми елями и лиственницами...

Напарника не было уже неделю, почему-то задержался в Посёлке. Он уже стал беспокоиться – вода спала, и тот мог

запросто налететь на камни, перевернуться... А до Посёлка можно было добраться лишь по воде летом, тайга была малопроезжима, мари да скалы, гольцы да расщелины... Зимой ещё можно попробовать дойти на лыжах, напрямик чуть больше ста километров, или по реке, но с её поворотами – все триста, по льду, на «Буране».

Напарник-то и был отправлен за запчастями для старенького, вечно барахлящего «Бурана», а также за бензином, керосином для лампы, кой-какими продуктами, чаем, сахаром, конфетами.

Этот участок, самый дальний, самый глухой, оторванный от всех, он выбрал несколько лет назад. В течение лета лишь однажды, по высокой воде, прошли мимо плотовщики, помахав рукой, а уж люди посетили его всего дважды – один раз на лодках к Посёлку прошли геологи, переночевали, поели ухи и рыбки свежего посола, оставили несколько банок сгущёнки, рассказали, что творится в мире, передали привет от знакомых, подивились одинокому «Робинзону», отсутствия у него радио, рации, да и вообще какой-либо связи с внешним миром. Да ещё недели три назад специально заехал из Посёлка его «друг-начальник» из леспромхоза, посмотреть, как и что, как живет, не нужна ли помощь.

А он всегда хотел жить один, бирюком, одиночкой, «дикарём», «Робинзоном», и не потому, что не любил людей, нет, просто он всегда хотел быть и жить именно один. Напарника-то ему навязали, как он не сопротивлялся, что мол, нель-

зя одному жить-зимовать так далеко, что случится – погибнешь. Но напарник на удивление оказался для него идеальным, мастер на все руки, не мешал, молчал и работал, ловил рыбу, готовил на зиму дрова, собирал шиповник, травы и ягоды, сушил и замачивал, они «притерлись» за короткое лето, так что вполне годились для совместной «зимовки». Вдвоём починили крышу избы, утеплили чердак, построили баньку, просмолили лодки, перебрали моторы, приготовили капканы на лису и плашки на соболя, обшили лыжи камусом.

Он привычно поставил сети, подгрёб к берегу, осмотрелся. С севера шла снежная туча, сдал задувать холодный, пронизывающий ветерок... И где он шатается, этот напарник, так скоро и шуга пойдёт, потом лёд, на моторке не пойдешь, у какой крали поселковой застрял, или впрямь что случилось?

Раньше он был геологом, почти двадцать лет отработал и в этих краях, да и почти по всему Северу, его считали перспективным, пророчили ученую степень и высокие чины, но несколько лет назад он неожиданно для всех уволился из Партии, прибился к рыбацкой артели, проработал несколько путин с рыбаками, научился профессионально ставить и чинить сети, ловить, разделявать, вялить и солить рыбу, три зимы проходил в подручных у дяди Миши, знаменитого местного охотника-промысловика, научился выслеживать лосей, ставить капканы, петли и плашки, выделять

шкурки. Купил себе две лодки, моторы, старенький «Буран», карабин, пристроился в леспромхоз вроде как лесником, выправил промысловое разрешение, построил себе здесь, у Реки, добротную большую избу, и решил обосноваться, если и не навсегда, то уж точно надолго.

Все в Посёлке удивлялись: «интеллигент, учёный, из самой Москвы, и как так можно – всё бросить и уйти в тайгу?!». Но поговорили, да забыли, мало ли по тайге чудаков бродит.

А он просто устал, устал от людей, от работы и вечной суеты, от шума городов, от ответственности и обязательств, полей, партий и забросок, от карт, отчётов, проб, керна и вездесущего плана. В Город ехать категорически не хотел, возвращаться домой, в Москву – тем более, и даже Посёлок с его несколькими десятками домов был для него слишком шумный и суетливый.

И он решил уйти, уйти от суеты, уйти от людей, жить один, как мечтал всю жизнь, зависеть только от себя, от своей работы, от удачи, «фарта», удачного лова и удачного выстрела. Он знал, верил, чувствовал, что не пропадет в глуши, в одиночестве, хотя это и была его первая зимовка вдали от людей, и от неё многое зависело – выдержит ли он физически и морально это испытание, полгода снега и пурги, полной оторванности от цивилизации и полного одиночества.

...Он не знал, что разбитую лодку напарника найдёт через несколько недель охотник-эвенк: вероятно на обратном пу-

ти, тот, всего в нескольких десятках километров от Поселка, на тяжелогружёной моторке налетел на камни, пробил днище и утонул, а разбитые моторы, канистры и мешки унесло на километры по течению бурной Реки...

Он ждал ещё неделю, потом понял, что больше ждать не имеет смысла: «Или испугался, или загулял, или лучше не думать», – в Посёлок он всё равно не пойдёт, надо было готовиться к зиме, к сезону, снег непрерывно шёл уже три дня, резко похолодало, река вот-вот встанет, уже пошла шуга, и вряд ли стоило кого-либо ждать и на кого-то надеяться.

Он остался один, только собака Альма, промысловая лайка, выращенная им еще со щенков, верная и преданная, понимающая с полуслова.

Дрова в печке весело трещали, за порогом стояла темень, выл ветер, керосинка освещала избу... Он пил чай, курил любимую трубку, стругал плашки на соболя, проверил ещё раз капканы, лыжи, патроны, ружье и карабин, и по привычке разговаривал с Альмой: «Вот видишь, псина, снег, пурга, за соболем не пойдешь, а у нас тепло, отдыхаем пока, и всё у нас есть – и рыба, и ягоды, хоть чаю и мало, а мы траву заварим, а сахар вообще вреден, да и сгущёнки чуть-чуть от „геологии“ осталось, а скоро и на охоту, глядишь, и сохатого возьмем, с мясом будем». Альма, развалившись на полу и разомлев от тепла, пыхтела, сопела, преданно смотрела в глаза, даже кивала в ответ лобастой умной головой.

Утро было тихим, снега навалило по колено, он быстро

собрался, взял плашки, капканы, приманку, карабин, свистнул Альме, которая с удовольствием, повизгивая, валялась в снегу, надел лыжи и пошел в тайгу.

В первый день промысла он решил далеко не уходить, присмотреться, прислушаться. Следов было много, по свежему снегу они легко читались, вот петлял заяц, вот явно мышковала лиса, попадались и соболиные следы. Он поставил несколько петель на зайца, капканы на лису, плашки на соболя, и в середине дня пошел обратно. Река ещё «курилась», лёд встал не по всему руслу, изба издалека выглядела совсем нежилой, занесенной снегом, следов, кроме его лыжни и Альмы, не было видно...

Следующим утром день выдался пасмурным, шёл снежок. Он проверил петли и плашки, снял одного зайца и пару соболей, капканы были пусты. Жить промыслом он не собирался, но не сидеть же в избе всю зиму! Шкурки можно будет потом сдать, купить патроны, да и зайчатина лишней не будет.

К середине дня снег перестал, в тайге было необыкновенно тихо, только скрип снега под лыжами, да шорох его дыхания. Он остановился, снял шапку, прислушался... Тишина была необыкновенной, успокаивающей, и он долго стоял, слушая её.

С ели посыпался снег, застрекотала белка, Альма подняла голову, залаяла.

– Тихо, тихо, собака, белковать не будем, нам добыча побольше нужна, нам сохатый нужен!

...В избе было тихо, пахло смолой, дымом, уютом. Он сам её строил. Три года назад ему пригнали по высокой воде солидные бревна, год они сохли, прошлой весной, как только сошел лёд и установилась Река, он привез из Посёлка двух плотников, они за пару недель собрали избу, поставили крышу, прорубили дверь и окошки, срубили сени, сложили печку.

Ещё загодя он запас мох и паклю, тщательно проконопатил все щели и утеплил углы избы, сколотил стол и топчан, навесил полки, вогнал деревянные колышки для всякой всячины. Окошки были невелики, одно выходило на Реку, а второе, поменьше, в тайгу, двери была низкие и обиты войлоком, чтобы держать тепло.

Живи, зимуй – холод не страшен, летом прохладно, он уже оценил, а сейчас тепло, хотя настоящих морозов ещё и не было. Печка не дымила, грела равномерно, запас дров был хороший, так что беспокоиться было не о чем. Он остался один, ему было хорошо и комфортно, и мысли его были спокойны и безмятежны...

Надо было бы натаскать воды, он взял два ведра, дошёл до реки... Изба смотрелась в сумерках, светясь крохотным окошком, как пряничный детский домик. Тихо шуршали хлопья крупного снега, и даже привычного шума реки почти не было слышно.

– На днях сети надо бы поставить, в последний раз, авось кто и попадетя, – сказал он увязавшейся за ним Альме, –

три дня назад, помнишь, неплохой улов был, хороших щук взяли. А сейчас-то рыбку и заморозим, а то река-то вот-вот встанет. —

Альма завиляла хвостом-бубликом, чихнула, и радостно побежала впереди, как бы показывая в быстро опускающихся сумерках дорогу к дому.

...Свечка, вставленная в консервную банку, догорала, надо попить чаю, да пораньше ложиться, завтра он хотел уйти в тайгу ещё затемно, на весь день, надо было искать лося или изюбра. Он осмотрел избу — на полках в строгом порядке расставлены металлические коробки, цинки от патронов и ракетниц, банки — с крупой, чаем, сигаретами, табаком и махоркой, всё, что могло пострадать от мышей, было тщательно упаковано, на колышках развешены пучки трав и мешочки с сухим шиповником.

— Что ж собака, пора спать, завтра день трудный. —

Он залез в спальный мешок и по привычке тут же уснул.

...За окном была темень, и в избе почти ничего не было видно. В темноте, чтобы не тратить свечей, он растопил печь, попил чаю при отблесках огня, собрался в дорогу. Альма, предвкушая охоту, вертелась под ногами, скулила, и не успел он открыть дверь, как она прошмыгнула в щель, вылетела из избы на улицу и стала радостно прыгать в снегу.

— Ну всё, всё, хватит баловать, пошли, день сегодня длинный и тяжелый.

Тайга синела в предрассветных сумерках, было почти тем-

но, но белый, необычайно белый таежный снег был светел и как бы показывал путь. Он не торопясь прошел около пяти километров, стало рассветать, снег стал серым, лиственницы из черных стали коричневыми, а черные лапы елей – темно-темно-зелеными.

Затрещала сойка, Альма встрепенулась, и стала принюхиваться...

– Ты кого учуяла, Альма? Ищи, ищи!

Альма заскулила, завертелась, и, утопая по брюхо в снегу, побежала в сторону. Сойка трещала ещё сильнее, и тут Альма ткнулась носом в снег, тихо тьякнула, и он увидел свежий лосиный след... Похоже, что лось прошел не больше чем час назад, и имело смысл пойти за ним.

По следу он шел часа полтора, устал, и уже хотел прекратить следовку, как вдруг Альма залаяла. Вдалеке мелькнула бурая туша, голенастые ноги, и Альма, утопая в снегу и заливаясь лаем, бросилась к зверю... Лось остановился, пораженный наглостью маленького существа, явно не пахнущего волком, а Альма лаяла, крутилась около морды сохатого, интуитивно не подходя сзади, так как один удар задней ногой лося мог запросто разmozжить ей голову.

Лось явно не замечал охотника, поскольку был занят Альмой, и он, аккуратно прицелившись, выстрелил... Зверь вздрогнул, зашатался, второй выстрел свалил его...

– Подожди, подожди, Альма, а то как копытом двинет!

Он подождал минут десять, осторожно подошел. Лось был

мёртв, уроки дяди Миши не прошли даром, и теперь предстояла тяжелая и кровавая работа – надо было свежевать тушу и тащить в избу.

Всё сразу было не уволочь, он срубил два деревца, наладил что-то типа санок, освежевал и разделал тушу, часть мяса со спины и ноги завернул в шкуру, привязал к саням, между несколькими листовенницами соорудил что-то типа лабаза, с трудом закинул туда сверток с остатками туши, прикрыл лапником, и так как уже начинало смеркаться, потащил добычу к избе. Альма пробиралась в снегу впереди, и видимо, предвкушая сытный ужин, периодически взлаивала...

– Тихо, тихо, Альма, не шуми, зверье не беспокой.

К избе он вернулся уже затемно, вымотавшийся, уставший, но довольный. Накормил Альму, отрезал хороший шмат лосиного мяса, поставил вариться, а часть лосятины, мелко покрошив, положил жариться на огромную сковородку. Отдельно поставил варить и царский деликатес – лосиные губы... Теперь можно было и отдохнуть, попить чай, покурить, подумать...

«...Что ж, мясо теперь есть, завтра притащу остаток, что-то присолю, что-то заморожу, хватит надолго, много ли нам с Альмой надо? Будет оказия – и еще сохатого возьмем, а нет, так и пусть ходит зверь, что лишнее-то брать...».

Он любил охоту не за добычу, хотя именно она сейчас была ему нужна, иначе не выжить, не прозимовать одному в тайге, он любил охоту за то, что можно было часами ид-

ти по тайге, видеть как ходил, петлял разный зверь, как кричит сойка, предупреждая, что в тайге чужак, как падает снег с веток от прыжков белки, как прячется любопытный и пугливый соболь. Он не понимал (и так учил его старый охотник-промысловик дядя Миша), как можно ходить на охоту, на зверя, на лося, оленя, кабана большой компанией; ведь охота – это когда ты один выслеживаешь зверя, пытаешься его понять, «обмануть», перехитрить, когда ты с ним один на один... И только ты, зверь, тайга и тишина... И есть вероятность, что в этой битве со зверем победишь не ты, и охота нужна не для того, чтобы «запросто так», ради «отдыха», развлечения «взять» добычу, как это принято у городских охотников, а для того, чтобы была еда, пища, возможность выживания.

Пока ужин шкворчал и варился, он сходил за водой, прикинул, что делать с оставшейся лосятиной, приготовил и промыл бочонок для засолки мяса, проверил санки, сделанные ещё летом.

Трапеза его затянулась, и было уже полночь, а завтра опять в тайгу – надо проверить капканы, забрать мясо, разделывать, солить, морозить, работы много. Он подкинул дров в печку, лег на топчан и моментально уснул.

Следующий день его порадовал, в капкан попала лисица, снял ещё двух соболей и двух зайцев, да и мясо в «лабазе» оказалось не тронуту, россомаха не добралась. Вторую половину дня он возился с разделкой, заморозкой и засолкой мя-

са, убрал до весны на чердак сети, река уже стала замерзать, натаскал воды и не заметил, как наступил вечер. Часов у него не было, он специально их не взял, да и не нужны они здесь, где живешь без времени, точнее вне его, от утра до вечера, от сумерек до сумерек, в постоянной работе. Сегодня не сделаешь, а завтра поздно будет.

На следующий день надо было обезжирить и обработать шкурки и шкуру лося; он провозился с непривычки целый день, но всё сделал, проскоблил, помыл в избе пол, шкуру лося растянул на стенке в сенях, и решил на следующий день устроить себе отдых, протопить баню. Зима брала своё, было уже холодно, морозы наступали.

– Надо же, ещё вроде октябрь, а уже холод такой, и что же дальше будет? Выдержим, Альма, не замёрзнем?

Альма тихо твякнула, завиляла хвостом...

– У тебя-то «шуба» теплая, да и у меня доха найдется.

Он уже начал терять «чувство времени», не помнил, какой день недели, даже с трудом вспомнил, какой месяц. Но и это не имело значение, ему казалось, что он живет здесь уже очень давно, может даже несколько лет, а эта зима будет бесконечна, и до лета очень-очень далеко, но при этом чувствовал комфорт и спокойствие.

Вокруг никого, на двести с лишним километров непроходимой тайги и гор – ни единого человека, но тишина и одиночество его не угнетали, а наоборот, придавали силы, энергию, и он понимал, что его жизнь зависит только от него,

и хотя случайности в жизни есть всегда, но сейчас, имея опыт выживания и жизни в глуши, в бескрайней тайге, всё зависит скорее не от воли случая, а лишь от себя самого.

Очередное утро – проверка ловушек и капканов, потом возня по хозяйству, лёд на реке окончательно встал, надо было продолбить прорубь, и постоянно её расчищать, топить баню раз в неделю, так что скучать было некогда.

Шли дни и недели, он настолько привык к одиночеству, что уже и забыл, что где-то есть Большой Мир, где-то живут Люди со своими вечными проблемами, ссорами и шумными разговорами, грязью, грохотом, теснотой и стрессом Города. А здесь – только он и собака, снег и тайга, и его избушка, затерянная в этой непроходимой тайге, в лиственницах, елях и кедрах, в зарослях стланика, в скалах, гольцах, и ручьях, и может случиться так, что весь Мир погибнет, и забудут про него, Отшельника, ушедшего от Людей, и он, до конца отведенного ему Судьбой срока, так ине узнает об этом, не увидит Людей, не поговорит ни с кем, кроме самого себя и Альмы. Но и это не трогало, не пугало, не волновало его душу, да и не хотел он встречи с Людьми, даже мог бы и испугаться этой встречи – настолько, за чуть более три месяца одиночества, он отвык от общения, от «цивилизации», от всего того, что окружает Человечество, и даже небольшой Посёлок, где жил таежный люд – охотники, рыбаки да лесорубы – в его воспоминаниях казался ему огромным, шумным и несуразным.

Как-то ночью Альма вскочила, залаяла у дверей. Он зажег керосинку – шерсть на загривке собаки стояла дыбом, она злобно рычала и лаяла, но наружу не просилась, а за стеной избушки кто-то ходил, и явно это был не человек. Кто мог в такой мороз, стужу, пургу, подойти к избе, какой зверь? Россомаха, но они осторожны, да и по ночам не ходят, выжидают, когда все уйдут, чтобы влезть в избу и похозяйничать, мог быть ещё медведь-шатун, да волки. Он взял фонарик, которым пользовался редко, экономя батарейки, зарядил карабин, осторожно вышел в сени, приоткрыл дверь, осветил. В снежной круговерти метнулись несколько фигур, мелькнул отблеск зеленых глаз. «Волки, да как много, окружили избу, мясо в сенях чувят, хотят добратся, оголодали... Ну ничего, не войдут», – он закрыл дверь, тщательно запер на щеколду, и спокойно пошёл спать. Альма всю ночь ворчала и рычала – он прикрикивал на неё, мешала спать, а волки, вероятно, кружили у избы до утра.

Утро было тихим, на снегу виднелись полузасыпанные следы волков, Альма долго вынюхивала следы, рычала и влаивала.

– Ничего, ничего, собака, если этой ночью опять придут, будем стрелять, это наше мясо, мы его добыли, тащили, и с волками делиться не собираемся!

Ночью волки опять бродили у избы, он постоянно просыпался из-за лая Альмы, а утром увидел, что стая вертелась неподалёку, явно не боясь ни человека, ни собаки. Для

острастки он выстрелил в воздух, волки исчезли, но вскоре опять замелькали вдалеке. «Что ж, придется стрелять, а то не отвадишь». Он вспомнил, что в Посёлке зимой волки часто подходили к домам, на людей, правда, не нападали, но зазевавшуюся собаку вполне могли утащить.

Вечером он приготовил карабин и фальшфейеры, проверил ружьё, зарядив картечь, и стал ждать.

...Альма заворчала, наострила уши, шерсть на её загривке встала дыбом... «Так, пришли волки, пора...». Альму он привязал, чтобы не бросилась на волков – разорвут, приоткрыл дверь, шипящий фальшфейер осветил темень. Около избы бегало с десятков зверей, зеленые глаза отсвечивали, и ему даже стало жутко: один неверный выстрел, одна ошибка и всё, его одиночество закончится, так толком и не начавшись.

Волк, огромный, раза в два больше Альмы, бросился к нему, но выстрел картечи его свалил, стая остановилась в нерешительности, он снова выстрелил, свалив ещё одного волка, и увидел, что стая отступает.

Всю ночь он не спал, ожидая нападения, но видимо умные звери поняли, что его просто так не взять, и ушли...

Утром он посмотрел на убитых волков, один был просто огромен, таких он никогда не видел, матерый, с громадными клыками. Что ж, подумал он, вот и ещё две шкуры, можно будет себе и безрукавку сшить...

День он провозился со шкурами волков, ободранные ту-

ши погрузил в волокушу и на «Буране» отвез подальше, по Реке, чтобы не привлекать зверей. На обратном пути остановился и долго смотрел на тайгу, скалы, замерзшую Реку, слушая безграничную тишину.

Так шли дни, недели, он ходил проверять ловушки, где-то в середине зимы провел «ревизию» продуктов, был рад и удивлен, что использовал их даже меньше, чем ожидал, понял, что стал гораздо меньше курить; что припасенные им рис, гречку, пшено, да и сахар, он употребляет очень мало, вместо чая пристрастился к различным травам и ягодам, которые он засушил и заготовил летом, а ел в основном рыбу да лосятину, иногда зайчатину.

«Да, совсем „оробинзонился“, как наши предки стал, рыбка, мясо, да трава в заварке!». Его порадовало то, что он не выживал, терпя лишения и трудности, а именно **жил, жил спокойно, неторопливо и размеренно**, дни были заняты то охотой, то выделкой шкурок и домашними хлопотами. Удача или точный расчёт, а может и главное – одиночество, мобилизация всех его сил, надежда только на себя, готовность к лишениям и испытаниям, да и заранее приготовленные, рассчитанные запасы, отсутствие нервозности и стресса, давали возможность спокойно жить одному. И это была не борьба с природой, не борьба за существование, а именно просто жизнь, жизнь одного человека в глуши, в тайге, в непролазном снегу, в пургу и снегопады.

Наступили сильные морозы, по ночам изба трещала от хо-

лода, но не промерзала, печка тянула исправно, запаса заготовленных, нарубленных дров хватало ещё надолго.

Он совсем забросил свой дневник, куда раньше по привычке ежедневно или раз в несколько дней заносил краткие сведения о том, что было им сделано, какая погода, что произошло.

Но теперь ему это было неинтересно, он открыл дневник, почитал ранее написанное, занёс несколько строчек, и с удивлением понял, что пальцы его огрубели, что держать карандаш тяжело и неудобно, да и писать было не о чем, мысли не просились на бумагу, они были сами по себе, и не нужно было изливать свою душу на белые листы бумаги, описывать события, чтобы потом их анализировать и не допускать ошибок. Да и если бы он сейчас ошибся, то это могло быть его последней ошибкой. Он закрыл дневник, положил его на полку, и вскоре забыл о нём.

Дела, дела, ежедневные хлопоты были важнее мыслей на бумаге, скучать было некогда; нет, он понимал, что не одичал в глуши и одиночестве, он помнил наизусть страницы книг, которые читал когда-то, иногда он про себя, да и вслух, декламировал стихи, разговаривал с Альмой, его интеллект за месяцы одиночества не пострадал, скорее наоборот, пришла некая философская уверенность в правильности выбранного им пути, и если перед зимовкой и были какие-то сомнения, то теперь они полностью исчезли...

Постепенно дни становились длиннее, но однажды, в фев-

рале, пурга закрыла его в избушке на пять дней, мело так, что нельзя было отойти на несколько метров, дверь несколько раз приходилось откапывать, а один раз даже пришлось вылезать через люк в потолке и чердак.

Весна пришла незаметно, снег ещё лежал, но яркое солнце и длинный день, после зимней тьмы и снежной круговерти, радовали его, время снегопадов прошло, днём над снегом был наст и Альма резала лапы, да и ему на лыжах ходить стало трудно, наст ломался, а под ним – рыхлый снег с водой, однажды провалился чуть не по пояс, и он уже почти не ходил на охоту, тем более и сезон уже заканчивался.

За зиму он добыл пару десятков соболей и несколько куниц, взял в капканы пять лис, а в петли – с десятков зайцев, убил росомаху, которая несколько дней шаталась у его избы, добыл ещё одного лося. Из волчьих шкур он сшил себе безрукавку на зиму и осень, из заячьих – на весну и лето, из лисьей шкуры – шапку, и хотя были они пошиты немного кривовато, да и швы были не совсем ровные, он был очень горд своим портняжим искусством. Лосиную шкуру повесил над топчаном, другую бросил на пол, вместо ковра, а оставшиеся шкурки можно летом сдать, купить патроны, да и зарплата наверное за зиму в леспромхозе накопилась... Но когда он подумал о «цивилизации», о том, что придётся ехать в Посёлок, то даже расстроился, несколько дней ходил печальный, всё валилось из рук, но потом прикинул, что и керосин нужен, и бензин для моторов, свечи, батарейки и патроны, да

и запчасти для «Бурана», именно то, что не привез прошлой осенью исчезнувший напарник. Он вспомнил о нём, и стало грустно, наверное, вдвоём было бы зимовать легче и веселей, но раз уж так вышло, раз он сам выбрал свою судьбу одиночки, «Робинзона», значит, так и должно было быть.

– Что ж, Альма, придётся всё же идти «в цивилизацию», что поделаешь, на следующий год сделаем запас побольше, да и не появимся в Посёлке года два-три, а там, глядишь, и забудут!

Он вполне бы мог остаться и на всё лето один, опять ловить и солить рыбу, запас грубой соли был большой, да и с прошлого года ещё рыба осталась, была и лосятина, которую он провяливал на ярком весеннем солнце, остались запасы крупы и сахара.

Однажды утром он проснулся от грохота, выбежал из избы и увидел, что это пошел лёд; ломая и кроша льдины, грохотала Река, он понял, что наступила Весна, скоро, очень скоро можно будет заводить сети, да и съездить на пару-тройку дней в Посёлок, а может и готовиться к приходу гостей.

На лето дел было много, надо было заготавливать дрова, собирать, сушить и замачивать ягоды, сушить травы. Надо было проверить крышу избы, подправить оторванные лютыми зимними ветрами дранки, проконопатить кое-где щели. Так что Лето пройдет быстро и незаметно, а там снова короткая Осень и длинная снежная Зима, и снова яркая бур-

ная Весна и снова Лето. И пройдут месяцы и годы, и он будет жить здесь, в своей избе, ходить в тайгу, охотиться, ловить рыбу, разговаривать с собакой, и ему не будет нужен Большой Мир.

Через две недели он спустился по реке вниз, в Посёлок, подивился шуму, лаю собак и человеческому разговору; на него смотрели как на некое чудо, надо же, и перезимовал один, и жив-здоров, да ещё и шкурки привёз. Расспрашивали, как жил-зимовал, приглашали на чай, угощали куревом... Он сначала больше молчал – отвык от разговоров, но рассказал – и про лосей, и про росомаху, и про волков, а безрукавку на нем видели все, щупали, цокали языком, хвалили. Узнал он и печальную, уже давнишнюю новость про напарника.

Он сдал шкурки, купил патроны, приобрёл кое-что из продуктов, с расчетом на пару-тройку лет, договорился, что привезут на днях бензин, керосин, свечи да гвозди.

Утром они с дядей Мишей долго сидели на берегу Реки, пили чай и молчали, тот только сказал:

– Ты, паря, тайгу любишь, поэтому она тебя и приняла, а так бы сгинул, многие сгинули, а ты лишнего не берёшь, ты не жадный, и сам живешь, своей головой... И живи, раз так решил... Наведаюсь-ка я к тебе летом-то, посмотрю, как живешь, однако. В гости-то ждешь?

– Да, конечно, приезжай дядя Миша, посмотри, как я устроился, может и сам так пожить захочешь!

– Да нет, старый я, кости болят, ползимы на печке пролежал, да и куда я от своей старухи... А ты, паря, молодец, не испугался, один перезимовал... Дай Бог тебе и дальше удачи!

Они попрощались, он завел мотор, вывел лодку на середину реки. Дядя Миша долго стоял и смотрел ему вслед слезящимися глазами, пока не затих звук мотора... «Однако, парень настоящий таёжник... Удача ему будет!».

...Он добрался до избы уже поздно вечером, разгрузил лодку. Изба встретила его привычной тишиной, запахом жилья и дыма, это был его дом, его Маленький Мир, его Микроскоп. Он развел костер, чтобы не протапливать избу, вскипятил чай и поужинал.

Его Мир был таким, каким он сам его создал, и следующее Утро будет таким же, и День и Вечер, и много Месяцев, и даже много Лет, но это был именно его Мир. И с этими мыслями он уснул в прохладной, пахнувшей деревом избе, и завтра его ждали дела, сети и рыба, и послезавтра, и через несколько дней, но не было ничего одинакового, и дни не были похожи один на другой, они все были разные. Он спал, и спала тайга, спала, повизгивая во сне, собака Альма...

И разные были его Мысли и Сны, и он знал, что это и есть его Судьба, и это его Одиночество, и это его Жизнь, и его Удача. И так будет всегда, и будет и тайга, и гольцы, и скалы, и тишина снега и вой зимних вьюг, и яркое лето, и трепещущая на дне лодки рыба,

будет и соболь, и следы сохатого на снегу. И это не закончится никогда, пока не кончится его Мир, а его Мир бесконечен, бесконечен как Тайга, как вода в Реке и как сама Жизнь.

Ветер

**Слышишь голос степи?
Этот голос пустынный,
Пусть поможет сплести
Ветру слов паутину.
...Видишь белый ковыль
встрепенулся под ветром,
Над дорогами пыль
подняла километры?
...И вот в этой тиши**

Под убийственным солнцем

Проплывут миражи, проплывут миражи

К горизонту...

Было ещё раннее утро, но солнце уже нагрело палатку. Луч света, пробравшийся через дырку в крыше, играл с пылинками.

Лагерь живописно расползся в долинке между гранитными, кажущимися розовыми в лучах восходящего солнца, поросшими темно-зеленой арчой сопками, и глубоким сухим

руслom, пробитым потоками воды.

Вдалеке, у крохотной, серебрившейся на ветру ольховой рощице, возле почти пересохшего ручейка, был чистейший родник и бочажок, откуда можно было брать пресную воду... Больше воды в округе, километров на 200, не было, за исключением полупересохших, мутных бочагов реки Сары-Су и немногочисленных грязных и солоноватых колодцев для скота, окруженных кольцом вытопанной копытами овец и уплотненной до прочности бетона почвой.

Несколько выгоревших на безжалостном казахстанском солнце, почти белых палаток, трепыхались на утреннем ветерке...

Ветер здесь был всегда, он не преследовал, не надоедал, он просто был. Он был здесь и сотни, и тысячи лет назад, и это он, ветер, вылизал до гладкости эти красноватые гранитные скалы, перекрутил, перекорезил, высушил арчу. К нему можно было только привыкнуть, его можно было только бесильно ругать, когда неожиданный порыв легко смахивал палатки, выдирая полуметровые железные кольца, вколоченные в трещины скал, и как нитки, лопались толстые веревки, трещал, разрываясь, толстый брезент. Ветер просто был, он был здесь всегда, он затихал на два-три часа ночью, и потом начинал задуть снова и снова. То жаркий и знойный южный и юго-западный, то прохладный, северный...

А дождя не было, тучи проносились над сопками и степью, гремел гром, сверкали молнии, ветер дул всё с новой

и новой силой, но на сухую землю, гранит сопок и скособоченную арчу падали лишь жалкие капли – дождь испарялся над раскаленным, прокаленным солнцем Казахским мелко-сопочником.

Потрепанная жизнью, судьбой и тысячекилометровыми пробегами, машина, ГАЗ-66, названная шофером «Клавочка», сиротливо трепыхала выцветшим и рваным брезентом фанерной будки.

Сам шофер, чья грязная лохматая голова виднелась из-за поднятой кабины, ковырялся в моторе, по привычке разговаривая и с машиной, и с самим собой, периодически срываясь на истерический крик и матерщину, когда что-то не получалось...

Как он с такой издерганной психикой попал в шофёры – вообще загадка, и был он, вероятно, одним из самых невезучих водителей с автобазы. В поле он поехал в первый раз, машину ему дали старую, и по дороге от Москвы до «бескрайних степей Казахстана», его постоянно преследовали неудачи. То чуть не отваливался бензобак, то порвались приводные ремни и он чудом не «улетел» в кювет из-за заклинившего гидроусилителя руля, то грелся и постоянно глох двигатель, то отрывалась на ходу тяга привода газа, то спускало колесо... Поэтому ежеутренние и ежедневные «упражнения» с «Клавочкой» были так же обычны как ветер и длительное питье утреннего чая, под еще нежарким солнцем, под неспешные разговоры и обсуждения дел и поездок на се-

годня.

Чай, горячий крепкий чай, печенье, разговоры... Торопиться вообще-то было некуда, погода здесь была всегда, пешком взбирались только на сопки, а поездка в 30—50 километров по долине, много времени не занимала.

Чай уже был выпит, и надо было бы уже и ехать в маршрут, когда шофер, вытирая грязной тряпкой перемазанные машинным маслом руки, наконец-то «соизволил» подойти к столу. Он в некотором роде был «элитой», вторым, а то «первым» после начальника отряда, так как без него, без машины, не было бы маршрутов, остановилась бы вся работа, да и выбраться из этой глухомани, когда до ближайшего поселка, где был телефон, добрая сотня километров по ухабистым степным дорогам, было бы без машины крайне тяжело.

Где-то кочевали отары овец, где-то ютилась крохотная метеостанция, где-то были пустые, брошенные, полуразрушенные сараи – «отделения» неведомых колхозов со сторожем и обязательной небольшой отарой овец. Но что было делать, чем бы там могли помочь, если шесть человек, вместе с двумя тоннами груза застряли бы здесь, в лощинке, у неведомого ручейка, у подножия неназванных сопкок? Сообщить, да ждать машину в помощь с базы из Щучинска, почти за тысячу километров – а это не менее чем две недели...

Так что лохматому, явно пренебрегающему правилами гигиены шоферу многое прощалось – и его хамство, и матерщину, и грязные руки за столом. Он понимал, что его не лю-

бят, но и прекрасно видел, что все от него зависят, что без него не обойтись, что его надо просить и упрашивать, и поэтому старался держаться независимо-хамовато, что при его щедушном телосложении выглядело часто забавно и комично.

Шофёр был постоянным объектом для насмешек и шуток рабочего-лаборанта отряда, здоровенного высокого парня, по прозвищу «Слоник», бродяги и туриста, бывшего студента, выгнанного за «систематическую неуспеваемость и прогулы». Он был в поле уже почти 5 месяцев и объездил половину Казахстана, «собираясь объездить и вторую».

«Слоник» славился тем, что в одиночку мог выкатить или вкатить в кузов машины 200 литровую бочку с бензином, двумя-тремя ударами пудовой кувалды откалывал от монолитных гранитных скал образцы весом в 15—20 килограмм и съедал за ужином тройную порцию первого и второго.

– Ты бы, Серёжа, руки хоть бы помыл, – неодобрительно и строго сказала повариха, – грязные же!

– Это техническая грязь, – важно заявил шофер.

– Ничего, ему с солидолом слаще, да глистов не будет, – встрял в разговор «Слоник», закуривая уже третью сигарету. – Всегда сидим и ждем «бортмеханика», пешком было бы дойти быстрее, через сопки! Всего-то напрямик, 10 километров...

– Вот и иди, – взвизгнул шофер, – я тебя не повезу! Пешком ходить будешь! Я машину ремонтировал!!!

– Ломать не надо, не будешь и ремонтировать. Когда руки из...

– Так, тихо, ребята без ссор и криков, – прервал начальник отряда. – Планы на сегодня... Едем далеко, по долине, километров сто, отбираем по профилю пробы, и едем на весь день! Воду и «сухпаёк» с собой! Инструменты и мешки готовы?

– Готовы, готовы, товарищ начальник, лишь бы «Клавочка» не чихала, а то простудилась видать на ветру... А «доктора» у нас сами знаете какие... «Айболиты»! Им бы клизмы ишакам ставить...

Шофер вскочил и, махая руками, хотел сказать что-нибудь обидное, но поперхнулся чаем, и закашлялся...

«Слоник» молча поднялся, треснул его ладонью по спине так, что шофер аж присел, и не спеша пошел к своей палатке за инструментом. Фальшиво напевая «На пыльных тропинках далеких планет...» он с лязгом выволок связку полуметровых зубил, несколько кувалд, ломы, кирку, мешки для проб...

– Ох, и поработаю я сегодня, – и закрутил пудовой кувалдой на длинной ручке над головой, да так, что пошёл свист...

Был он «вечный студент», категорически не желавший учиться и бродяга по жизни... Как только наступала весна, у него, как он выражался, начинался «полевой зуд» и он спешил куда-нибудь уехать. Ранней весной, в начале марта, уезжал то с зоологами в Туркмению, «считать джейранов», то

с орнитологами, кольцевать птиц, ездил с географами, с почвоведом, с геологами и геофизиками, ходил в маршруты, часами смотрел в бинокль за всякой живностью, рыл шурфы и почвенные разрезы, отбирал пробы, даже кашеварил. Впервые в «поле» он поехал ещё старшекласником, с археологами, потом поступил, как он выражался, «сдуру в какой-то институт, в какой не помню», откуда его периодически выгоняли, объездил за несколько лет с экспедициями полстраны, набрался полевого опыта, нахватался кое-каких знаний и разных научных терминов, которыми очень любил щеголять.

Жил он один, в большой, «армейской» палатке, где был ещё и склад, устроился разумно, с комфортом, как всегда устраивался в «полях», со столиком из «вьючника», огарком свечки в фигурно обрезанной консервной банке, обязательной пачкой сигарет, спичками и кружкой с чаем. На раскладушку он подложил ещё пару запасных спальных мешков, и, вбив в несущий двухметровый кол массу гвоздей, развесил одежду, фляжки, полевую сумку и разную мелочь.

Ходил «Слоник» исключительно в стоптанных кирзовых сапогах, защищавших по его словам «от острых камней, скорпионов, колючек и змей», выцветшей потрёпанной «энцефалитке» и таких же штанах, подпоясываясь ремнем, на котором болтался устрашающих размеров нож, армейская фляжка и армейский же подсумок с разной мелочью, типа спичек и сигарет.

Но, несмотря на столь «грозный» полувоенный вид и выбеленную солнцем военную шляпу, в армии он «не служил и не собирался», и его любимой фразой были слова: «Я и Советская Армия – понятия несовместимые!». Вообще-то призывами, весенним и осенним, частично и объяснялся его «полевой зуд», он просто удирал от военкомов, а когда являлся домой уже поздней осенью, а то и вообще в декабре – не открывал дверь и не подходил к телефону. Так он «тянул» уже несколько лет, и с нетерпением ждал, когда же ему наступит 27 лет и «можно будет начать новую жизнь». Таких «полевых бродяг» в 70—80-х годах в Москве было достаточно, и их охотно брали рабочими, лаборантами или техниками на сезон, опыт полевой работы у них был, за «длинным рублем» они особо не гнались, а что хватало гонору и хвастовства, что мол «...и там я бывал, и помню, был случай...», так это «по молодости» и всегда прощалось.

Геологи позавтракав, разошлись по палаткам, собираться в дорогу, только водитель долго пил чай, хотя и видел, что ждут только его...

После томительного ожидания, все, наконец, расселись в машину... Стартер заскрежетал до зубной боли, мотор «чихнул» пару раз и заглох... Шофер стал истерически материться...

– Лучше б нам ишаков дали... Или ещё лучше – верблюдов, – как бы ни к кому не обращаясь, громко сказал «Слоник». – С них хоть какой толк есть, работают хорошо, матом

не вопят, да и шерсти можно настричь! А с этого «водителя кобылы» – никакой пользы, кроме вреда...

Шофер начал что-то орать в ответ, но в это момент, машина, «чихнув» ещё пару раз и выпустив шлейф черного дыма, завелась. Заскрежетала коробка передач, и «Клавочка», переваливая на камнях и гремя инструментами в кузове, выехала из долинки на дорогу... Точнее это была не дорога, а обычная колея, накатка, проложенная неизвестно когда, может и в годы войны, когда здесь добывали то ли вольфрамовую руду, то ли еще что-то. От тех времен остались развалины какого-то здания, сложенные из гранитных обломков, узкая глубокая канава и небольшая штольня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.